

СМЕНА

11

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОДАРОК

По Москве-реке, вздымая волны, движется теплоход. По широкому мосту проезжают автомобили, трамваи и грузовики. А в это время под рекой ведет человек в черных резиновых сапогах и высоких сапогах и пробованных шляпах взрывают земляной комьями, рубят и бурят его, грузят в вагоны и по рельсам отвозят в тоннель уже готового тоннеля.

Они работают на шпите, стальном приспособлении, которое предохраняет от обвала, держит свод своими стальными пятами, в котором ребристый транспортер тащит и вагоны серые мокрые камни и который, наконец, помогает своим ярким удерживать чугунные звенья кольца тобины. И когда взорвана порода, когда уложено кольцо тобины, — тогда шпит передвигают вперед на один метр. А норма — 28 метров в месяц.

Так вот они, девять человек, молодая бригада Якова Сивакова, — одна из лучших на строительстве столичного метрополитена. В своей части шпит пять человек, Федор Калинин — он слесарь с обтывным молотком — всею своей талкателью он опирается на молоток. Молоток ударяет в серо-белую шпиту. Молоток брызжет воды стекает за клапанового пазета. Не поддается Снова удар. От стального законченится идет пар. Струйки воды, холодной подпочвенной воды, смывают серую молочную влажность. Снова удар, и молоток начинает подвигаться. Камень треснул

Вот большой кусок его откалывается и соскальзывает вниз.

Кладби Соронина откалывается в сторону. Камни с соскальзывают на то место, где стояла она. Кладби с киркой. Она откалывает более микроскопическую. Большая часть скаляемых водой, падает на транспортер. Его не видно. Он в воде. Шпите нечего, тоже с обтывным молотком, стоит Яков Сиваков. Под его ноги ромашка едет вперёд. И стар. Он идет на шпите вальд вода, и шпиту, на которой стоит бригадир, всё время омыкает. Третий молоток удар. Ещё удар. Не поддается пазет. Сиваков электробуром делат несколько по отверстия в камне. Потом молот расширяет эти отверстия, третий молоток расширяет.

Справа с обтывным молотком Максим Пыльков и его помощник Аман Гушанин. У них кирка летит, но от молотка тоже идет пар.

Третий молоток, гудит удары кирки, шпелески надавших гальб, гудение мотора, движущего транспортер. Вот уже тридцать раз бригадир пробурит с отверстия в шпите. Третий молоток удар. Вот справа пятый — делат в порову свой молот Максим Пыльков, а обе девушки скалывают камни и гоню на транспортер, кончик их кирок блестят серебром и тоже парят. Прошлое время, и бригадир прошла всего один сантиметр. Четыре точки оттаивают от шпите и электромотору делующего-оттаивает Мария Титина, Зинаида Попова и Клавдия Поповичкина.

В это же время наверху Александр Бубенков успел пробурить два скважины для взрывки. Перед окончанием смены вся девятка уйдет в колен тоннеля, зайдут огромные вентиляционные трубы и Яков Сиваков включит рубильник. Грохнет взрыв, и когда улетит гальб, шпит можно будет передвинуть вперед на один метр. После, во вторую смену, бригада еще раз будет монтировать кольцо тобины. Девять метр. Такой закон этой бригады.

На шахте есть ещё несколько шпитев и ещё много бригад. Но в этих бригадах на три человека больше. Дело в том, что Яков Сиваков Кладбию шпите своей бригады можно определить место на шпите. Это не просто: нужно было раньше изучить своих товарищей, умело работать, не просто рубить породу, уметь найти слабое место и извлечь известия среди отпечатков морских раковин, которые встречаются в пазетах.

Бригадир берёт кирку Клавдия Соронина. Он помогает ей? Нет, учит. Учат ровным, сильным, ритмичным ударом. Вот бригадир идет с отступающим.

— Кто на посту сегодня, ты или Попова?

— Это узор. Мама Титина и Зина Попова — комсомольский пост по борьбе за законности безрежиссерской бригады. Биты и бригады получают по счёту. Бригада в месяц закончат ссти болтов, гальб, десятки долб.

— Сегодня я на посту, — отвечает Мама.

Она сегодня, как сама говорит, «забралась» во время взрыва привела чинку газеты, объявила слушателя кружка по изучению краткой биографии товарища Сталина об очередном занятии, составила список об сборе комсомольцев, киносов. Она, Мария Титина, заместит секретарию комитета комсомола строительства. Иб попутца Зинаида Попова — тоже член комитета. И это неудивительно, что одной бригаде собраны два члена комитета комсомола. Как в производственной, так и в бытвенной жизни бригады Сивакова на первом месте.

И ещё одно сделала эта бригада. Задумала давно: сделать подарок в честь тридцатой годовщины трестам мхла — первой закончить проходку трёхсотметровой подольской трассы тоннеля. Это было так. Бригадир неграл взрыва, а когда расселся дым, последним кольцом тобины оклимаю тоннель. Шпит продвинулся вперед ещё на один метр.

— Это и был тридцатый метр тоннеля. Бригада закончила свой путь.

В забое. Слева в бригадир Я. Сиваков и начальник участка инженер И. Малышкин. Молодёжно — комсомольская бригада И. Сивакова за проходкой тоннеля под Москвой-рекой. Подборщик на шахте. Это новый «принток» Москвы-реки. Из этих труб ежедневно выкачивается 30 миллионов литров подпочвенных вод. Фото А. И. Никифорова.

Теккер-сталковец Паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева (г. Коломна) Евгения Соловьёва, перешедшая на обслуживание трёх станков.

Фото Г. Борисова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь, № 11, 1948 год.

Год
издания
25-й.

Иван Дмитриевич опустил очки на кончик носа и прищурился глазами. Он внимательно осматривал шпорохотную поверхность детали и, ещё не беря в руки крапиркуль, неодобрительно покомился в сторону: «Овечь Савастьяна... Дюпушка все-таки разговоривалась с Верой Кондратьевой, соседкой по станку. Она, как и все работавшие в цехе, ушла, а осуждающий взгляд мастера, но продолжая улаживать, делая вид, что это всё «меньше всего беспокоит». Иван Дмитриевич кашлянул, покачал плечами и, положив деталь в карман своей поношенной спецовки, направился к двери. Он молча шел, мимо станков, мимо пригитрихих девушек. А они неловко садясь за мастером «Обидям...».

Восемнадцатый лет поглядывал, вот как сейчас, каждый день проходила жизнь цеха, пробаив мастер Емельянов. За эти годы многих вывел он в люди. Со всеми сходилась он быстро. И все отнеслись к нему тепло, ласково. Но вот пришла быстроглазая, задорная, звонкогласые девчата, в каричневых галтельках с чёрными пелюшками на ворничках. Пришла, робко встала к станкам.

Первые дни обращались неспешно, как бы исподлобья. Пришлось исполнять его указания. Копировали его движения. Сперва у станка: вот так же спокойно работай, закрепляй деталь, неспеша включай и выключай мотор. Затем им поправились его манера держать руки, рассматривать, чуть косив глаз, детали. Иван Дмитриевич умел сказать: «Пускай шалает...» Но брак, который то им по неопытности, то им по чутке допуская девушкам, беспокоил мастера всё больше и больше. Он начал всё чаще заглядывать к «старичкам» — опытным мастерам, работавшим в цехе. «Эти не подведут». Им они став отавать предпочтение в выборе заготовок и, наконец, выполнению плана всемог предельно на них. Каждый из «старичков» давал не менее двух норм в смену. И всё же они его подвели. Проблём начали отставать. На доске показателях, что вела между очками проблемы, появились цифры: 92, 95, 98.

Корда, Иван Дмитриевич скоро понял, что «старички» не способны положение, что его 1-й пролёт будет постоянно хромать, если все 30 станочников не поднимут своей производительности труда. Поняв это, Емельянов внутренне осудил себя. Вновь пришлось на работать отдельно с каждой революционершей: разъяснил, как укоротить резки резания, показывал, как можно быстрее зажимать и освобождать деталь в патроне, — но ничто не помогало. Момент был упущен. Из 24 станочника 20 продолжали не выполнять установленных норм.

Сегодня Иван Дмитриевич окончательно пришёл к выводу, что не в состоянии исправить положение тем, что он стар. Он пришёл просить, чтобы его освободили от работы в ведущем цехе или перевели в другой.

— Первый! — начальник цеха устало поджала тяжёлые, припухшие от бессонницы веки, перелопачивая с партгором. Глядя рядом ритмично гудящих станки. От их работы покачивалась шляпкой стоек.

— Как же так, товарищ Емельянов, — проговорила партгор, — станочники у вас молодцы, в основном комсомолы, а вы...

— Не любите меня, старика, или не понимаю, что это... Наступило молчание. И в этот момент в кабинет вошла высокая роста сухоухая парень в военной гимнастерке. Это был Иван Сеистун, комсорг цеха.

Вот что, Митрич, сказала начальник цеха и посмотрела при этом на Иван Сеистун, — решала им от тебя «старичков» забрать... Ничего им у тебя делать. Перелёт в шестой пролёт, там новая техника поступает, осваивать надо.

— Как «забрать»? Как «сделать ничего»? — возмутился Емельянов. «А я... а как же первый пролёт? Он же жаржет весь цех!»

— Ничего, жаржет, — спокойно возразил партгор. — У вас остаются молодёжь, комсомол вам поможет. Это будет для него испытанием...

«Комсомол поможет... испытание...» — думал Иван Дмитриевич, возвращаясь от начальника цеха; он не заметил, как вошёл

...Иван Дмитриевич берёт изготовленную им деталь...

Митрич

С. КРУТИЛИН

в свой пролёт, не улаживая, как Шура Никифорова обратилась к нему за каким-то советом. Дюпушка переставала никогда ещё ими не видела своего Митрича таким усталым, осуждённым...

...На другой день Емельянов не вышел на работу.

В обещанный перерыв пришёл к девушкам 1-го пролэта Иван Сеистун, подтянутый, в новых лакированных туфлях. Он собрал всех комсомолок-станочниц и рассказал о том, что произошло вчера в кабинете начальника цеха. Девушки слушали молча. А он, комсорг, даже не жмурился, не ругал. Он только говорил о той большой ответственности, которая возложена на них. Он говорил о заводе вообще и впродолжение об их цехе, который не выпалывает план и от которого отказывается старик, опытный мастер. Он достал из кармана деталь:

— Вот, посмотрите, пришла работа... Губята из бригады Грязнова, в сборке, — сказала он, — обижается. Говорит, скоро и у нас будет остановка. Обижается, что заговорили за вами девчатами снимаем.

— Они всё хотят первое место завоевать... — начала была говорунья Маша, но её перебил:

— Да молчи ты, Савастьяна, пока всё добром идёт! — Из табельной позвонил: Иван Дмитриевич забавлялся. Был, вчера вечером в бане, простудился, — сказала Иван Сеистун. — Вот, собираюсь уходить, добавил строго: — Вечером, девушка, митинг будет. Приходите все.

— После митинга почему-то не хотелось сразу идти домой, на Шошейную. Кто-то из девушек предложил:

— Давайте зайдём к Митричу...

Емельянов ждал похода от завода. Девушки быстро отскочили мальский, с застеклённой верандой, домик Иван Дмитриевич лежал на купетке, укрытый лёгким байковым одеялом. Рядом с его изголовьем стоял круглый столик. Свежая заводская газета лежала на нём поверх картонных коробочек из-под лекарств. Увидев своих станочниц, старый мастер растерялся: каплянула, покачал плечами и потянулся за газетой.

— Мы, Иван Митрич, на минуточку знаем, узнать, как ваше здоровье, — начала Маша Савастьяна; она обладала изумительным талантом не теряться в критические минуты.

— Что ж вы спитесь, присядьте, — проговорила после непродолжительного молчания Емельянов. — Поставь чайку, Васильевна, гости пришли!

Но девушки отказались от чая. Они рассказали о митинге, о том, что комсомолцы паровозно-механического цеха обратились ко всей молодёжи завода построить свой комсомол с 30-й годовщиной ВЛКСМ, к 29 октября, два мощных локомотива серии «А», таких же, как и «Олег Кошевой».

— Так, так... Значит, паровоз переделываю дороге, — оживилась Маша. — Своё, комсомольский. А незнание хорошее дело: «Олег Кошевой»... Иван Дмитриевич помчался — говорил что: Олег Кошевой, пожалуй, был бы очень недоволен вашей работой, — продолжала он. — А как вы думаете?

Девушки потугили газет. Они тоже так думали, но боялись признаться в этом. Каждая из них мысленно сказала себе в эту минуту: «Завтра начну работать по-другому».

— А Ванька Сеистун в новых ботинках, — начала Вера Кондратьева; её одёрнули, но она продолжала: «Он тоже выступил и сказал, что мы, наш цех, сказали, создали у себя молодёжный пролёт, и, дескать, мы будем соревноваться с восьмым цехом третьего механо-сборочного. Там так же работают много наших девушек, из второго ремесленного...»

— Со...рвно...вотого... — удаиваю протянул Иван Дмитриевич, приподнявшись.

Восна была ранняя. Ещё начался март, а дни стоят солнечные, радостные. И силы отключили незаметно прибавили, и сон не идёт. Едва вылетает солнце — в комнате уже кто-нибудь пророняет: «Вставайте, девушки, посмотрите, за окном какая благодать! Разве можно в такую погоду долго нежится в постели, асе-

бокш». Вставали, проворно одеваались. Умыться выходили на улицу. Быстро завтракали, пили чай из большого жестяного чайника. Его всегда в одно и то же время приносила забочливая тётя Поля, уборщица. «А про вас опеть в газете прописали. — Идите! Каждое утро говорила тётяра она, вздох. — Идите, будто вы третьему механо-сборочному уступали...» Её молча слушали, пили чай и уходили.

Да, рано-то какаш! До начала работы — не менее часа. В цехе ещё пусто, тихо. Только где-то среди запуганных путяти формы раздаётся голос мотористок провальных крошек. Куются к трудовому дню. И девушки готовятя. Осматривают станки, отбирают заготовки.

— Иван Дмитриевич! А вы зачем явились спозаранку?..

Он стоял возле своего верстака и, опустив очки на кончик носа, читал газетку в тавесту. На первой странице, под броским аншлагом «Пятилетку — в четыре года», была напечатана большая статья. В ней сообщались результаты социалистического соревнования между молодёжными бригадами мастеров Ивана Павловича Осипова и Ивана Дмитриевича Емельянова за первую декаду месяца. Впереди шла Емельяновым — 130 процентов. Но осиповцы отставали всего лишь на несколько процентов.

Подошли девушки, заводные, веселые. Когда разговаривали, Маша Селезнёва осторожно водовдвинула к себе газетку. Ей бросился в глаза портрет молодого русоволосого кудряватого парня. «Какой красивый! — подумала она. Над портретом курсивом заголовок: «По примеру мастера Емельянова» — и ниже подписи: «Молодой технолог комсомолец Евгений Гуськов — рационализатор паровозно-механического цеха. Тов. Гуськов помог стахановцу Евгению Соловьёву перейти на одновременное обслуживание трёх станков, применив при этом ряд новых приспособлений. Он же, по примеру мастера Емельянова, впервые на заводе и в паровозостроении вообще создал молодёжно-комсомольский поток...»

Дочитать Маше статью до конца не далл Шура Никифорова. Она одёрнула её сзади: «Слушай ты, когда мастер говорит».

— Подошла вчера ко мне и говорит, — рассказывал Иван Дмитриевич. — «Вот, — говорит, — товарищ Емельянов, мы обрабатываем вначале головку, а потом делаем нарезку.» Ну так, говорю...

— Это Аляшка, наверно? — перебила Маша; все на неё посмотрели слегка неодобрительно, но с улыбкой.

— Я тоже удивилась, — продолжает мастер, — спросила, а она говорит: «А вот я думала, нельзя ли как-нибудь пристроить к супорту два реза, чтобы их каждый раз не менять...»

— Ай да молодец, Аляш! — не удержалась Шура Никифорова.

— «А у меня, — говорит, — есть планчик небольшой, как это сделать. Я, — говорит, — придду завтра пораньше, и мы с вами, товарищ Емельянов, проверим, как это на практике будет выходить». Вот и я пришла...

— А вот и она! — крикнула кто-то.

— Аляш! Карпова!. Небольшого роста, хрупкая, несмотря на широкое рабочее одеяние, девушка стояла в дверях пролёта, держа в руках тяжёлый, массивный супорт. В нём стояло два реза.

— Простите, товарищ Емельянов, я в цехе приспособлений задержалась...

— Все девушки бросались к подруге...

* * *

Вот большая доска. На ней цифры в два ряда. Красные цифры — показатели пролёта Емельянова: 92, 98, 103, 107, 113, 130, 162, 183; чёрные — показатели пролёта Осипова: 98, 103, 107, 123, 147, 175.

Иван Дмитриевич, придерживая рукой очки, смотрит на доску. Два дня назад парторг дика здесь, у этой доски, передал ему, нег, не только ему, всем им, молодёжно-комсомольскому пролёту, Красное знамя. Иван Дмитриевич стоит у доски и думает: «Ну чего они старые цифры приписывали, эти первые 92 и 98, пора бы их давно стереть...»

...Сегодня, как и вчера, как и много лет назад, идёт своим пролётом старый мастер Емельянов. Он подходит к станку, над которым склонилась молодая фрезеровщица в коротеньком коричневом платье, с петличками на воротничке. Иван Дмитриевич берёт изготовленную ею деталь. Опустив очки на кончик носа и шура глаза, он внимательно осматривает шероховатую её поверхность, и едва лишь во взгляде его мелькнул огонёк неодобрения, как у всех девушек, работающих в пролёте, появляется в глазах выражение взволнованности и беспокойства...

Город Коломна,
Паровозостроительный завод
имени В. В. Куйбышева.

На фото сверху вниз:

Инициаторы социалистического соревнования в честь 30-летия ВЛКСМ — технолог паровозно-механического цеха Евгений Гуськов (справа) и комсорг цеха Николай Кравченко.

Молодёжно-комсомольский пролёт мастера И. П. Осипова. На переднем плане: Иван Павлович Осипов и станочница-стахановка Мария Шаварина.

Лучшая молодёжная бригада Коломны, завоевавшая второе место в социалистическом соревновании Бригады Московской области. Слева направо: С. Воробьёв, Л. Соснов, Б. Еромолов, С. Салтыков, бригадир В. Грязнов и Е. Аксёнов.

Комсомолец Михаил Мальцев — лучший фрезеровщик завода имени В. В. Куйбышева.

Фото Г. Борисова

«Есть такая партия»

Так подписан рисунок Е. Кибрика, заслуживший Сталинскую премию. Художник воспроизводит историческое событие 3 июня 1947 года, когда В. И. Ленин в прижизненной передаче Первого всесоюзного съезда Советов выступает с места громовой реллику: «Есть такая партия!» Этими словами Ильич отвечает меньшевикам и их лидеру Черетову, утверждавшим, что в России не существует политической партии, которая выражала бы готовность взять власть целиком на себя.

Релика Ленина от имени большевиков прозвучала тогда, 31 год назад, как удар грома. Поднявшись с места, Ленин пошёл к трибуне. Он закончил свою знаменитую речь словами: «... власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всём мире».

Неизмеримо счастье нашего поколения советских людей. Мы являемся свидетелями и участниками не только того, что у нас «есть такая партия», но и того, что эта партия сумела привести народ к завоеванию такой власти, которая обеспечивает победоносное строительство коммунизма.

И если рисунок Евгения Кибрика, как и картина Владимира Серова «В. И. Ленин провозглашает советскую власть», создаёт величественный образ выдающегося руководителя нашей партии на заре социалистической революции, то не будет преувеличением сказать, что все выдающиеся произведения искусства, отмеченные Сталинскими премиями за 1947 год, представляют собой величие партии большевиков в нашей повседневной жизни. Каждое из произведений музыки, живописи, скульптуры, архитектуры, оперного и балетного искусства, удостоенных премии имени великого вождя, как бы всем существом своим говорит нам: есть такая партия, для которой нет ничего выше, чем интересы народа. Есть такая партия, которая знает и умеет обеспечить материальные и духовные нужды советских людей. Есть такая партия, которая умеет распознавать врага и знает, как нужно громить его без остатка. Есть такая партия, которая ведёт народ от победы к победе и приводит его к торжеству коммунизма!

Именно неустанной заботой большевистской партии и лично товарища Сталина о духовных нуждах народа объясняются новые успехи нашей литературы и искусства за истекший год. Партия коммунистов неслучайно активно растила и поддерживала подлинно передовое, прогрессивное искусство, заботясь о создании всех условий для его благоприятного роста. И это естественно, ибо в изоляции не только материальной, но и творческой партия Ленина — Сталина видит одну из главных задач социализма.

На вооружении большевистской партии находится семья передовая в мире революционной теории — марксизм-ленинизм. Кости идеи нашей партии в гущу народа, вооружая его верой в победу, бодростью и инициативой, воспитывая преданность и любовь к Родине, верность делу коммунизма — такими задачами идеологического фронта, в частности, и занимается Сталинские премии за выдающиеся произведения в области искусства за 1947 год присуждены именно тем произведениям искусства, которые воспевают героизм советских патриотов, красоту подвига, верность поступка, красоту благородных нравственных порывов.

Постановления правительства о присуждении Сталинских премий показывают, в каком направлении должна развиваться культура нашей великой Родины. Сталинские премии за выдающиеся произведения в области искусства за 1947 год присуждены именно тем произведениям искусства, которые воспевают героизм советских патриотов, красоту подвига, верность поступка, красоту благородных нравственных порывов.

шеними партии по идеологическим вопросам, со всей силой подчеркнутыми воспитательное значение советской литературы и советского искусства.

Присвоение ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам представляло образцы глубокой и острой критики недостатков в идеологической работе и дают развёрнутую программу действий. Замечательно, что в те самые дни, когда плодотворно работала I всесоюзный съезд советских композиторов, намечавший пути исправления скрытых партийей ошибок в советской музыке, — в эти самые дни наш народ с восторгом приветствовал новых лауреатов Сталинских премий за выдающиеся музыкальные произведения. Это явилось как бы демонстрацией уверенности в том, что советские композиторы создадут ещё много выдающихся произведений, нужных и полезных народу, прославляющих народ, как того требует наша партия, как того требуют интересы социализма.

Партия большевиков совет советских композиторов бороться с старыми и новыми формами буржуазной музыки, повседневно разоблачать формализм, утративший сущность и душу истинного музыкального искусства — его истинную мелодическую выразительность, его живую связь с народным творчеством.

«Создаёт музыку народ, а мы, художники, только её артикулируем — таково гениальное русское музыкальное искусство. И одно из основных достоинств музыкальных произведений лауреатов 1947 года в том как раз и состоит, что они следуют прекрасной традиции русской музыкальной классики. Эти произведения отличаются реализмом и демократичностью языка, соединёнными с мастерством и оригинальностью замысла. Их отличает высокая идейность и сила романтического направления в советской музыкальной культуре».

Глубокою признательностью советских людей вызван мастер искусств, сумевший своим творчеством создать образ величайшего вождя партии и народа — Ленина и Сталина. В возмущении и торжественных звуках «Кантаты о Сталине», написанной выдающимся деятелем литейской музыки Иосифом Талалт-Кеалша (на слова поэты Саломен Перне), выражены немурчущая любовь и безграничная преданность народа тому, кто руководит его борьбой за торжество новой, коммунистической жизни.

Отмечая Сталинской премией второй степени друга кантата «Советский Казахстан» Е. Брусиловского, также заканчивается радостным, светлым финалом, в котором прославляется народ, провозглаётся здравия в честь товарища Сталина. Эти мотивы народной признательности великому вождю звучат и в живописи и во всех других видах искусства. Это, конечно, далеко не случайно. Искусство, призванное отображать правду жизни, воплощение художественных идей, гуманизма, преданности народа. А о Сталине, любимом своём полководце, народ говорит так же, как о Ленине:

«Партия и Ленин — близнецы-братья, — кто более матери-истории ценен? Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин» (В. Маковский и Я.).

Так как же не было благодарным лауреатом-художником Владимиром Серову и Ираклием Тоидзе, Михаилу Хмелько и Анатолию Яр-Кравченко, Евгению Кибрику и Василию Ефимову, Виктору Орленкову и скульптору Якову Николаеву и другим, которые запечатлели дорогие всем черты Ленина и Сталина и их боевых соратников, под воздействием которых наша советская Родина достигла исторических побед!

Важно отметить, что среди мастеров искусства, заслуживших Сталинские премии за 1947 год — значительное число молодых дебютантов, причём не только русских, но и представителей других союзных республик.

Литовский драматург Арвид Григулис в своей пьесе «Гайна и фарфор» показывает, что настоящая «жизнь» — это борьба за коммунизм». Утверждение это лежало в основе не только пьесы Григулиса. Оно олицетворяет идейную суть всех пяти спектаклей, отмеченных Сталинскими премиями за 1947 год. Уже одно это — самое радостное явление в нашем театральном-драматургическом искусстве, изгнавшем порочные явления бедности и апатичности, осуждённые известным постановлением ЦК ВКП(б).

Лауреаты Сталинских премий во всех областях искусства и литературы именно потому сумели достигнуть таких успехов, которые удивили даже наш народ, что своей их творчества являются идеи коммунизма. Пусть это будут крупные музыкально-симфонические и вокальные произведения, пусть это будут произведения кино, пусть это будут равно успех их обеспечен только тогда, когда авторы их чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом. В этом сила советского, жизнеутверждающего искусства.

***

Возвратимся к рисунку Евгения Кибрика, экспонированному на Всесоюзной художественной выставке 1947 года. Вот перед нами фигура великого Ленина, полная порыва и революционной страсти. Орляный взор его устремлён вперёд. Руки скрещены в кулаки. На переднем плане рядом с Лениным сидит его ближайший соратник и боевой друг И. В. Сталин. Несколько позад — Я. М. Свердлов в тесном кругу рабочих и солдат депутатов Съезда Советов. Они — взволнованы и радостны. Из первых рядов, обернувшись к В. И. Ленину, смотрят злобные и растерянные лица из лагеря врагов революции. Их страсти правды, брошенные в Лазарь, лежат перед нами. Через несколько месяцев правда эта взорвётся алым светом на одной шестой мира.

Целую эпоху по времени отделяют события, изображённые рисунком Кибрика, от положен И. Тоидзе и М. Хмелько. События эти так же драматичны друг от друга, как, скажем, рассказанные в спектакле «Уро Восток» в азербайджанском театре имени Ализабекова, от дней, показанных в спектакле Малого театра «Валкирия» с тем же названием. Конечно, не подлинные, а эпиграфы о поставили ко всем произведениям искусства, литературы, киноматографии, отмеченным Сталинскими премиями за 1947 год, величайшим из величайших: «Есть такая партия!» Да, есть такая партия — ум, честь и совесть нашей эпохи, партия, которая умеет заботиться буквально обо всём, чем жив советский человек. С такой партией наш народ добьётся ещё более крупных успехов во всех областях народного хозяйства, науки, культуры.

Лауреат Сталинской премии
художник Е. А. Кибрик

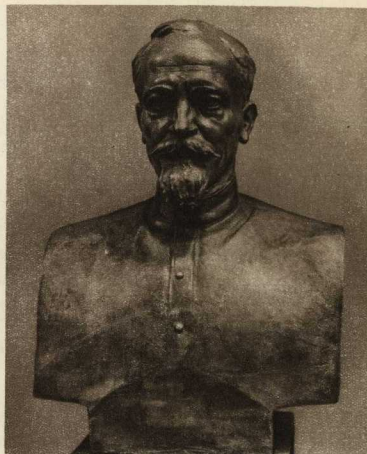
«Есть такая партия!»

РАБОТЫ СКУЛЬПТОРОВ, УДОСТОЕННЫЕ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Я. И. Николадзе

«В. И. Ленин в эпоху
создания «Искры».

З. И. Азгур

«Ф. Э. Дзержинский».

Н. В. Томский

Генерал армии И. Д. Черняковский.

Е. В. Вучетич

Гвардии генерал-полковник В. И. Чуйков

Анатолий МЕДНИКОВ

ВЫСОКОЕ ЧУВСТВО

на вахте успокоился и подумай. Буду ждать звонка.

— Их отца Лёша был уверен, что о разговоре его с режиссером никто не мог узнать, по знакомой ему беспечной нежности, которая блуждала в глазах мотористки Оли, он понял, что девушка уже знает всё.

— Упромсла они вместе сошли с машины. Всё, что можно было сказать о событиях в драмкружке, было уже сказано, и теперь они молча шли по узкой тропке, как ходят в горах — цепочкой, оцупывая острой лопаткой скользкую и вязкую землю. С открытой поляны на пологом скате горы просматривалась поднимавшаяся над лесом призматическая вершина буровой вышки. Поставленные метром за сто метров от другой, вышки вершинами образовали как бы второй этаж густого дубового леса и были видны очень далеко.

У деревянных подмостков буровой работы размещались на скважинных подпорках стальные бурные трубы и, развешивая их, устанавливая на помосте. Тут же, у буровой, горел костёр, и красноватые блики огня скользили по блестящей поверхности труб, смоченных маслом чёрной плетёной нитью.

— Не дождались смены, бурный инструмент поднимают. Тут ведь народ какой! — сказал Лёша.

Именно здесь, на работе, промсла, где резко менялся не только пейзаж, но, казалось, и самый воздух, каждый день встречало Лёшу то волнующее чувство душевного подъёма, с которым он начинал работу. И сейчас он широко задохнул, втягивая в себя ветерок, шихающий струями сквозняк, и неожиданно громко ахнул.

— Вот она, смена, — сказал он, шутливо подталкивая мотористку. — Покружить клубочком! Лёша Барев был бурлящим первой руки талантливым человеком в бригаде. Он постоянно находился в тесном и доверительном общении с бригадиром и руководителем буровой, как капитан на корабельном мостике.

Уже несколько дней молодёжная бригада вела бурение с большой скоростью, собираясь слать скважину в эксплуатацию на 15 дней раньше намеченной. Возле неё буровые, работали обычно, как всегда дружно и напористо. Уже через несколько дней Барев с удивлением заметил, что бригада проходит скважину со скоростью, невиданной в этих местах.

— Сколько взяли за ночь? — спросил он у своего помощника, возлеял из буровой.

— 250 метров за вахту, можешь рапортовать, не стыдно, — ответил тот, подходя к костру, чтобы погреть руки.

Помощник Барева Федя Семинюженко, коренастый и круглолицый весёлый парень, поклонился над костром и заглядывая в лицо Бареву.

— Говорят, переживаешь ты? — спросил он, потирая над огнём руки и сладко пожевывая от тёмной истомы, бегущей по телу.

— Говорю, ораи здорово бурить. Так и держат! — громко сказал Лёша и, сердито подшвырнув в костёр поленья, пошёл к буровой.

В деревянной будочке, которую бригада переставляла за собой из одной точки на другую, находилась плавовая телефонная линия с стержнево-геологической карта разреза скважины. Мельком взглянув на неё, Барев увидел, что домото прямо уже земью на глубину 900 метров и подползло к твёрдым породам — зергемям с пемзопрофилом, и вертикальной поверхностью, срезающей стальные долово, как ножом.

Бареву позволили из постельки. Дежурный по тресту попросил передать рапорт за вочную вахту.

Прошло 250 метров, — сказал Лёша. — Теперь вперед крепкие камни, как гранит. Прямо крепость оборони!

— Да, будем бить, и бить быстро. Темно не обмань, — говорил бурлящие, всё ещё не отводя глаз от геологического разреза, где жёлтой краской с белыми крапинками были обозначены толщина пластов горючих залежей. Народ ждёт меня, коньяки, товарищи, — сказал Лёша дежурному и бегом вернулся на буровую.

Когда он стал к моторам, в разрыве между ними появилось пропущенное солнце. Оно поднималось вверх в голубеющее небо, а свет его широким розовым поясом медленно спускался от сеточных вершин к вершинам деревьев. На промсле появилось солнце. Оно поднималось вверх в голубеющее небо, а свет его широким розовым поясом медленно спускался от сеточных вершин к вершинам деревьев. На промсле появилось солнце. Оно поднималось вверх в голубеющее небо, а свет его широким розовым поясом медленно спускался от сеточных вершин к вершинам деревьев.

— Ребята, нам до нефтяного рекорда 400 метров! — крикнул Лёша, обращаясь ко всей вахте. — Помните об этом каждую минуту!

— Ему пришлось держать ритм работы обеими руками, суетливо хватаясь за многие детали выходящего из напряжения и холода под ногам. Опущенные в землю огромные трубы вращались в скважине, и домото, насаженное на конце бурного инструмента, разбуривало породу. Шуршание, выхлоп, крепости, и как во всяком бою, тут требовались и смелая хватка и тонкое мастерство.

Шум подземного строения вырвался наружу — на буровой труде было говорить. Лёша отложил приказания и восторженно крикнул. Ему некогда было даже отереть нос со лба, а его помощники едва успевали наращивать на инструмент всё новое и новые буровые трубы и опускать их в скважину.

— Вот так, ребята, — крикнул Лёша, — говорю Федя Семинюженко, восторженно глядя на товарища.

Во второй половине дня снова началось тучи и начался дождь. Он сначала звонко пробежал по металлическим частям вышки, а потом в первые его капли медленно поплыли по флюетовому лужам нефть. Потом, точно морской трюмкой, дождь ушёл в лицо. Шум локтя, свиста и рывка в воздухе, заставив бурлящих поднять свои головы в переулочек.

Когда Лёша Барев забегал на переднюю будку, вода уже стремилась по склону желтым, бурлящим ручейками, перекатываясь через размякшие вольны грязи. Лёша вытаскил свой заветный инструмент с мотористкой Семинюженко. Помощник бурлящие, наисядя на конец коуса кусок сала, поджаривал его над огнём и с аппетитом откусывал.

— Желудок — не зеркала, всё в порядке, — ахнул Семинюженко и отшел на укороченный выхлоп. — О, как бурит! — сказал Семинюженко, трогая локоть товарища. — А дано ли это было, — вздрог ментально произнёс он, — когда Лёша Барев пришёл на буровую и тараша гдыва и долово. А как бурит, бурит, бурит, раклиментные дырки в земле делает? Давно Лёша? А теперь... Семинюженко вздохнул. — Высокие скорости бурения скважин для добычи чёрного золота. Валь эти же пост успеть бы мы!

— Мог бы, — сказал Лёша.

Он нагнулся и стал собирать на полу разсыпавшиеся листочки росы. Листки чуть намокли, и льдиные строчки поплыли в стороны. Мотористка Оля поворачивала ему смарать бумажки, аккуратно свисавая над в карман его брезентовой куртки.

— Береги, — сказала девушка, но Лёша только махнул рукой; мысли его были далеко.

— Ты прав, Федя, — сказал он. — Я сейчас мастер, своего учителя, вымыслил. У такого не уищишь — и всё будет мало. Когда я в первый раз увидел, как он бурит, то просто испугался. Квадрат, который в землю вонзил часа за два, он била в кани-нибуль три минуты. Он дал такую скорость бурения, что те буровые затрещали. У меня сердце ушло в ноги. Раз уж так бурит...? — спрашивал. «Можно, — говорил, — и нужно!»

— Человек — огонь, — сказал Лёша, — на такую поосмотрити, и жить хочется! Это он первый сказал. Оля только может вытереть пот со своего лица. Ты не в четвёре, а в три года. А сейчас мы к лету закончим её, в два с половиной.

Вздохнув машина уходила на промсле в шесть утра. Было ещё темно, когда она тронулась от постельки на дороге, круто забегавшей в горы. Шофёр включил фары — и два прямых столба света, воячаясь, упирались в туманную ленту асфальта. Они в прямые чёрные столбы дубов, которые росли у дороги на краю обрыва. Но минут через десять уже начало светлеть, и, как зюб, взошли в горах, беломокошущий свет солнца заливал всё небо. Как светлая вода, он очень быстро смывал черноту ночи, и казалось, что за далёким снежным хребтом поднимается в небо не одно, а сразу два солнца.

Моросил дождик, мелкий и тёплый. Над вершинами деревьев медленно поплы туман, и огни вышек проносились теперь по сторонам желтых плащев в горах, отбываясь на смоченной дождем скамейке и, прижавшись к борту машины, смотрел на знакомые окрестности промсле.

Он сидел против ветра, подставив встречному потоку воздуха своё открытое лицо. Дождь мокрой платиной оседал на нём, бодрое теплое и ещё ленивое от сна тело. То ощущение бодрости и радости жизни, которое всегда испытывал он, вылезая рано утром на открытой скамейке в горах, отбываясь бурлящими от мыслей, весь вчерашний день неустанно бередивших сердце.

— Ох, Лёша, сижу к вам спиной и в темноте не замечаю, — услышал Барев знакомый голос резко повернувшись на скамейке, что неосторожным движением задела поволоку рабочего.

— Стрелоз! — пробурчал тот. — Как к Лёше ридись, как людей развиваешь, как скамейку. Что у тебя оно такое, Алексей Игнатьевич? — спросила мотористка, втякиваясь на скамейку рядом с Баревым.

Лёша посмотрел на её раскрасневшееся лицо, душнее растопило, на расшумевшем ветром белом броне Лёша, и он услышал со светлыми капельками дождя, на мокрой локте, выпавший изпод косынки, и вновь перед его глазами встало всё то, что не давало ему спокойно спать ночью.

— Это произошло на генеральной репетиции драмкружки, готовившего и постановке в клубе нефтяников тему «Лёвова «Нашествие». Лёша Барев, которому режиссёр поручил главную роль, Федора Таланова, стоял на сцене перед пугтым залом, мучительно ждал того момента, когда закончится занавес и он сможет уйти домой. Им в полной мере овладело ощущение того, что роль ему не даётся, слова, которые он произносит, лишены внутреннего огня, и все то, что он делает на сцене, не может убедить зрителя.

Режиссёр, художник и немолодой уже человек, мхуро слушал горькие признания своего питомца.

— Партнёр меня подкалывает, Витольд Александрович, и зрители это непременно заметят, — говорил Лёша.

— Нет, тебе это кажется, Алексей, поверь мне, — возражал ему Володя Шинков, партнёр Барева и такой же, как и он, бурлящий, он и внешне ждал испарения.

— Конечно, Лёша, — сказал наконец режиссёр, — то место, где Федор Таланов на допросе у гестаповцев, превдываю свое смерто, гордо бросает: «Я русский, зашпилю Родина, — у вас легитимизация звучит, то-там-то так назначенно, то обречённо. А тут нужно такое чувство вложить в эти слова, чтобы каждому человеку в зале захотелось встать и повторить их за вами с живой душевной гордостью. Вы должны почувствовать партнёра своей актёрской силой, своей убедительностью в красоте образа. А для этого, Лёша, — говорил режиссёр, меряя сцену длинными шагами, — для этого надо найти в себе драгоценное зёрнышко: свой голос, свой цвет, свою человеческую гордость. Но пока...»

— Пока нет, — тяжело вздохнул Лёша, — сам вижу, нет этого.

— Лёша был над ролью долго и ожесточённо. — Нет, так не могу, а лучше не получается, заменил меня дублёром, — сказал он наконец режиссёру.

— Ты ещё подумай, — ответил режиссёр, —

НЕУТОМИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

СОРОК СТАРИКОВ

— А теперь и вы такой, как мастер, — сказала мотористка Оля и покраснела.

— Ну, не совсем. Федя у нас, вот это да! — радовался Лёша, обнимая глазами подмигивая своему помощнику.

Пока они автракали, на буровую несколько раз звонил из треста, спрашивали о темпе бурения, спрашивали, не нужно ли чего.

— Мотори, чьё тебе не пошла Шухомб — сказал дежурный, — он бурит разведочную ямку и тоже на высоких скоростях.

— Знаю, — сказал Лёша, — но нам на него не оглядываться, пусть только догоняет.

Потом на буровую позвонил режиссёр, напомнил о предстоящем спектакле. Лёша нахмурилась, но режиссёр лишь спросил:

— Как идёт буровая?

— Только трубы успеваем в скважины опускать, вот как она идёт, — сказал Лёша.

И ему захотелось, чтобы режиссёр там, в посылке, почувствовал, как трудно им сейчас под дождем на буровой.

— Рывёк мергеля, — сказал Лёша. — Аж земля крутом трещит! Но если бы сами посмотрились, столько Алексеевич!

— Я очень рад за тебя, — сказал режиссёр, — очень рад.

...За несколько часов до конца вахты случилась большая авария. Из шланга разведочного напора гнали промывочную жидкость в глубь скважины, начал просачиваться глинистый раствор. Повреждение можно было исправить, только остановив буровую. Вахта же, по подсчётам Лёши, приближалась к рекордной скорости прокладки твёрдых пород.

Буряльщик посмотрел на свои руки. По брезентовому рукаву бежала жидкая сероватожелтый раствор и стекал на рукавицы. Холодная струйка раствора вместе с дождем просачивалась через воронки, добравшись до горячей и мокрой от пота спины. Маленькие частички глины, попадая на лицо, слепили глаза.

Нарядно, у Лёши был смешной вид: частички глины цеплялись за брови, и грязные ручейки стекали к подбородку. Мотористка Оля не могла сдержать улыбки.

— Шторм, капитан! — крикнула она. — Ну и прелесть собой, замочала, потнуви взгляд.

— Да, шторм, — сказал Лёша. — Но мы не сахарные и не растаем до конца вахты. Времени терять не будем.

...В Семиноженко, облавив Лёшу горючим, прерывистым дыханием, наклонился к самому уху:

— Молодым мы, честное слово... Лёша, розной, давай скоростями!

— А, захватываешь! — крикнул Лёша. — И дождь и град липовый!

— А что добавьешь? — Семиноженко тут же сам ответил: — Нефть, по-старинному — горное масло, на нём подлинники земного шара крутятся, если только есть таквые, а ты говоришь... Липовый ещё успеешь. Лури глинистый раствора и нефть кипели на подростках. Вода летела косой стеной, и на буровой негде было укрыться от дождя. За шумом ветра буряльщики не замечали, как подвёхал к ним трактор, идущая за собой по грязи буровая машина. Мотористка Оля, которая ехала за ними, крикнула, что до конца вахты осталось несколько минут.

— А вы всё ещё купаетесь под глинистым дождем?

— Так и купаемся. 250 метров за вахту на твёрдых породах. Ты чуюш, деушка, что это такое?

— Чую, режисёр, товарищ! — всё ещё кричала мотористка во весь голос, хотя подползла к самонасосной машине. — На нашей полой точке стрелы и вышкормотажники копируются! Им ещё туда буровую тащить, и нефтевод подкачивать, и всё такое. Дни на четыре работы. Они нас уже зарезали и будут резать дальше!

— Свёж замесом, — Селекшимся-губами он ловил капельки дождя.

— Не так это просто — нас зарезать, нет, не дадим!

— Ну как же не дадим? — спросила мотористка, свинув с лопатной кувши присидевшиеся кусочки глины. — О чём ты думаешь?

— О том же, что и ты в Семиноженко, но только не говоришь. Раз строители не успева-

ют за нашими темпами, мы должны им помочь. Я предлагаю вклиниться в их бригаду.

— А захотят строители?

— Что же они, не советские люди? — сказала Лёша. — Обрадуются и руки будут жать. Ты пойми. Пред стройкой мы за нефть отцеваем, а тут у себя за всё.

— Федя, твоё слово? — спросил он у помощника, который, вытирая маслянистые пальцы тряпкой, подходил к ним.

— Господи! — сказал Семиноженко. — Сколько можно о таком деле разговаривать под проливным дождем? Конечно, останемся на весь вечер в покое.

...Буряльщики уже подползли к вышке три трактора, четвёртый двинулся сзади и стальным тросом, прикрепленным к вершине, удерживал в равновесии сорокметровое сооружение. Уже шли верёвки трактора через кустанники, лес, поляны перед собой почти метровой волной тряс и сокружала, как танцы, всё на своём пути. Уже ушел Лёша вываливаться в грязь по посылке, укамывая трактором дорогу, когда Федя Семиноженко и Оля одновременно подошли к нему.

— Через час начало спектакля, — сказал Семиноженко.

— Ну и что же? — хмуро перебил его Лёша.

— Я говорю от имени всей молодёжной бригады. Неужели человек, пробуривший за вахту 250 метров, может растеряться на сцене? Как-то даже смешно подумать.

— Но послушайте, ребята, начал Лёша. — Вель это же — совсем другое дело!

— Всякое дело — другое. Бригада подумала и решила — значит, надо идти, Алексей! А мы тут за тебя нажём, но смотри, парень, — Семиноженко поднял вверх руки, как бы призывая всю бригаду в свидетели, — смотри, если вечером не увидим тебя на сцене...

— Лёша, у вас есть актёрская сила, — сказала мотористка Оля, востановив слово.

— Взглянул на лёв. Барвас с тяжёлым вздохом махнул рукой в знак того, что он поднимается в обе бригады, и не оглядывался больше на вышку, пошёл к вахтовой машине.

...Потом он смутно помнил, как всё это получилось. На сцену Лёша вышел нехотко, уступая мотористке и двум бригадам и угловым режиссёра. И слыть ему, как на генеральной репетиции, хотелось, чтобы скорей закрылся занавес и он смог бы убежать за кулисы. Но вот на эту минуту вышел Фёдор Талынов допрашивать гостеприимца.

Что Лёша вспоминал в этот момент? Маленький городок, немногим больше, чем его село, и такую же чёрную без надежды, закрывшую собой всё небо. Или, почувствовав внезапно тяжесть в уставших ладонях, он вспоминал весь день на промысле: липень, грязь, зростную работу, скоростное бурение и замасленные глинистым дождем ладони лица товарищей.

Кажется, именно тогда он и увидел их в зале и пошёл по улыбкаем, что они хотят подбодрить его. Мотористка Оля, но удерживалась, махнула ему рукой, и Лёша тотчас почувствовал её радостный возглас на буровой: «Чую, ребята, рекорд!»

«Пришли всё-таки, — подумал Лёша, — наверное, буровую перенесли на новое место и пришли. Вот какой чудесный народ, как работает!»

На какую-то долю секунды он подумал о своём герое и точно живого увидел его перед глазами. Но каким-то внутренним зрением он увидел и себя, буряльщика правой руки на скоростной вахте, и это помогло ему войти в роль.

Тогда он и прокричал эти простые и так долго выдвигавшие ему слова; и теперь уже из зала вернувшись к нему волею того самого гордого душевного трепета, о котором говорил режиссёр, и открыл глаза на сцене.

— Понятно, спектакль, в горах снова зыблал глубокий снег.

— Вот снегисте-то! — сказал Лёша. — Завтра на промысел вперед пошлют трактор пробывать дорогу.

В постылке парня та особая мягкая тыльная часть, которая в горлах после съезда снегопала. На главной улице ещё горели огни. Манящий выточкой пунктира они тынулись на дальние промысла, в глубь ноля.

Совет был настолько несбычен и нов, что экспедиционные кинооператоры заранее поглотили парк. Сорос стариков, самому молодому на которых исполнилось 63 года, завали по одному гектару проса, сами пополни, убробили, вынаживали и добывали несъдачного урожая — по 240—250 пудов на каждом гектаре.

Приехав в колхоз имени Ильича ещё на заре, киноаграфисты обегали все стариковские участки. Отыскали наиболее удобные точки для съёмки — на пригорок, чтобы солнце лучше освещало склоны, — они стояли сейчас возле своих киноаппаратов в полной боевой готовности. Густое, пушистое просо было удивительно фотогенично. А когда появились «герои», у главного оператора вырвался восхищенный возглас — так живописны были «идида» в своих колосомых брижах, вышитых рубахах и «запорожских» шароварах.

Старики сами поздоровались, разошлись по своим делничкам, полыхали в кулке и, насколько не смущались, привились за работу. И тут сразу выключились, что поломался так хорошо продуманный старик съёмки: действия тяжкими, как похосами, старик помахнулся взобрался на пригорок и оттуда — спиной к солнцу и киноаппарату — двинулся вниз, ловко обрабатывая свои рядки.

— Отстаньт съёмки! — скомандовал главный оператор и бросился улаживать «неподружающегося».

— А я не могу в гору, — невозмутимо ответил Иван Микитович, которому было что-то около 76. — Я только с горы возможность имею поздыть...

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо возразил главный. — Вы только немножечко вверх проволните... Понимаете: солнце чтобы вам в лицо светило... Ну, для вида поработайте, что ли...

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо возразил главный. — Вы только немножечко вверх проволните... Понимаете: солнце чтобы вам в лицо светило... Ну, для вида поработайте, что ли...

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо возразил главный. — Вы только немножечко вверх проволните... Понимаете: солнце чтобы вам в лицо светило... Ну, для вида поработайте, что ли...

— Мы робки, як полагається, а не для виду. Не так, щоб отробити, а щоб зробити...

Съёмка в тот день так и не состоялась. Это распространение киноаппаратуры было разгаром целой деклети, тут же, в поле, начатой, в селе зареферной. И им стало ясно, как сумели эти люди, которые в гору без посоха взойти не могут, выдержать невиданный пресс. Старик говорил о широкорядном и гнездом способе посева, о «лучшей истине» и о великой победе советской науки, многократно облегчающей труд человека. И всё время выразили они имя Ивана Давыдовича Колеснича.

— Вым завладевший человек, — задумчиво сказал Фёдор Фёдорович Тонник и попутно: — Кто Колеснича посылает, тому нестрашна посуха.

О «ТОЧКАХ ЗРЕНИЯ»

Иван Данилович зловольно ходил по комнате. Он так устал, что, казалось, вот-вот задремлет абакур высоким плечом или разобьет очки, которые снял протереть, да так и забыл в руке.

— У нас часто говорят: «Я работаю над той-то проблемой, разрабатываю такой-то вопрос». Наверно это! Не над чем работать, а за что бороться! Вот как я понимаю научную работу. Мы должны всегда за что-то бороться, воевать. И потом имейте в виду: наша наука — наука массовая, она немалыми без пирафейской практики. Нужно, чтобы любое открытие агронома могло стать достоянием всех колхозников. А как же иначе?

Он остановился на минуту, надел очки, сел в кресло-качалку, и парит его глава заглянул сквозь стёкла очков хитрой улыбкой:

— Встречаются ещё иногда такие «деятели» от науки: им лишь бы «точка зрения» найти. Это для них главное. Они с этой «точкой зрения» всю жизнь сослужили проклять, ещё дискутировать будут, да «разомыют», да «зубуют», дае диссертацию выйдут...

Иван Данилович говорил тихо, но громким казался его голос:

— А меня Григорий Денисович Лисенко всегда учил: теорией нужно проверять практикой, урожай, массовым производством. Гадать: почти вся Киевщина в нынешнем году сеяла просо широкорядным способом, 200 тысяч гектаров. Это ли не завидная «деятельность» для науки? И б не верещит в обязательном порядке на-экспурسو поёвз по Украине. Смотрите: посылку 200 — 250 пудов с гектара. Человек, он с живой душой: увидит — обязательно захочет сделать. А захочет — сделается! Как же иначе?

Неожиданно оборвал себя и совсем другим тоном:

— Будете в Черкасском районе, обязательно заезжайте в село... Худики и познакомятся там с бабкой Евдохой.

удайтесь наконец спросить гостю, расстроеному такой санитарной концепцией».

Бабка широко улыбается:
— Иван Данилович! А як же, знаю! Вин приєднав до мене. Просо скрив с'єднав і каже: «Ото ж ты гарна бабка! Всё делала, река учиш? А я ему говорю: «Конечно, Иван Данилович. Садила ридесенько-ридесенько, колосом... чи, як его, пшеницом».

Бабка продолжала свой рассказ, и видно было, что она знала уже науку, поверила ей через свой тысячелетний урожай.

***

Демобилизованный солдат Охрим Земляной был первым одногектарником в Шполянском районе. Быв себе по совету Колесника гектар проса и следуя всем его наставлениям, он вырастил на нём урожай в 240 пудов. Из дальних деревень приезжали тогда люди поглядеть на удивительное растение. Это было в сорок пятом.

А в 1946 году в Шполянском районе все 32 колхоза, 156 бригад и 827 элеваторов сеяли просо широкорядным способом. Древние деды воспользовались в движении, предельные махины. Но шполянцы спорить не стали, а всю конференцию погрузили на грузовики — и на поле, в колхозы.

Съехались заведующие районными отделами сельского хозяйства, главные агрономы. У большинства договорие, решимость, предельные махины. Но шполянцы спорить не стали, а всю конференцию погрузили на грузовики — и на поле, в колхозы.

На третий день Иван Данилович спрашивает:

— Хотите ещё?

— Нет, — отвечают гости, — достаточно. Поехали домой.

— «Человек, он с живой душой: увидит — обязательно захочет сделать». И пошло новое дело...

это было подлинным переворотом в науке земледелия, это было триумфальным шествием автоторов. В течение года новым методом агро-техники проса был внедрён по всей Украине, по многих других областях Советского Союза.

Так был установлен самый грандиозный опыт в истории мировой науки: с площади в 1 033 190 гектаров был собран в 1947 году средний урожай в 15,1 центнера. Удвоение, утроение самых лучших урожаев!

И вот приезжает Иван Данилович в Сосновку, Переслав-Хмельницкого района, где дозревает один из кусочков «миллиона», спрашивает:

— Ну, как просо?

Слышит восторженный ответ:

— Мирвое!

— Нет, товарищ, — улыбается Иван Данилович. — Не мирвое, а Переславское. Нигде в мире такого веса!

САМАЯ КОРОТКАЯ ГЛАВА

В редакцию газеты «Правда Украины».

Уважаемый товарищ редактор!

Прочитала в Вашей газете статью Ивана Даниловича Колесника о просе. Знаю этого человека с давних времён. Он из крестьян нашего села, отец его был у нас упомянутым комитетом бедноты. В 1921 году Данилович работал учителем. Как он любил деревню! Он повернул всю нашу жизнь по-новому! Организовал хорovou и драматический кружки, Организовал комсомольский коллектив, устраивал лекции, экскурсии.

Хорошо запомнила я одну экскурсию в Полтаву. Полесла пошло. В музее были, в кино, в Театре имени Гоголя, потом сфотографировались и обратно за сорок километров. Да пешком! И всю дорогу смех и шутки. Пошло ещё его лекцию «Происхождение человека», — он прямо заговорил нас.

Так его в селе и звали все «Невтоманна любима» — неумолимый человек. И вот прочла сегодня статью Ивана Даниловича, вижу, что и сейчас он такой же простой, доступный и неумолимый.

Сельская учительница М. Даниловичко

МИЛЛИОН ГЕКТАРОВ

Вособразите обычный украинский городок у хатки: тычки, кавуны, всякая разность в градках, неизменные подсолнухи и неожиданный глянц гвинтского проса, которое вот-вот перерастёт подсолнуху. Бабка Евдоха срывается в нём с головой. Выходит торжественная:

— На, такого врожаю никто не имел. Кум Сидор до мене вриваюх. Вот так руши склаи и спит в удивлении: видюки оно пре твое? «Диво», — каже. Це — ширва, що двоно п'ятнадцять стеблєв с'одно зернини, по чотири отростка на одній гілці, а гілчк — те ж чотири. Як дерево росте!

И руки «скалав», она в который раз воззрилась на своё совершенство.

— Евдохка Миколаевна! Почему такое богатое у вас просо? — интересуется гость.

Ответ самый неожиданный:
— Я Насро-пшутку из соседнего села по-авала. Дала ей чекуху, щоб напачтала, просо моє заворожила. Она стара-престара, на все наговориве. — Бабка Евдохка свизала голос до шолога и продолжала быстро-быстро: — То надо, як сонце з'явє, та кладьбице вийти. И повороит мертвяку шесть раз без передку: «Не лежи, не спи, до врося беги, горобиве гови, гилчкн сохрани. И зараз живино земли — впадє, впадє. А як идєшь с кладьбици, ни до кого не звертайся...

— Колесника ви, значить, а не знаєте? —

Владимир МАТОВ

Весенние шалаши

Рассказ

Достаточно было лёгкого прикосновения, чтобы Алёша проснулся. Он сел, огляделся и понял, что чудесное, предвещующее чего-то нового последнее дни, началось.

Коросновья лампа, кринка и караван непривычной формы, бревенчатые стены, на одной из которых до самого потолка громоздился тень сидевшего за столом Юрия Ивановича, трепл сверчка и сонное дыхание нескольких людей — всё это необычная обстановка была полна особого смысла.

Заметив, что Юрий Иванович уже в верхнем ботинковом пиджаке и нависла на себя бинокль, топорик в кожаном чехле, все свои патроны, сумки и сумочки, Алёша быстро оделся.

— Выпей! — налив стакан молока и пододвинув его к Алёше, строго сказал Юрий Иванович. — Съешь хлеба и сушь кусок за пазуху.

Чтобы не спорить, Алёша залпом выпил молоко, но решительно отказался от хлеба. Юрий Иванович прикрутил лампу.

Тёплая, ясная весенняя ночь встретила их за порогом. С ружьём за плечами они пошли вдоль лесной улицы по твёрдой от крепкого ночного мороза земле. Признаков рассвета ещё не было, извлек Луна стояла над лесом, тишину тревожная гулкая звуки шагов. Когда порывались с последним домом, на его задворках пропел петух. Ему ответил другой на соседнем дворе. Голоса петухов удалялись, со двора на двор, и, наконец, едва слышно пропел последний петух в противоположном конце.

На поле гналу ветерок, в аэсу он прекратился. Хвои высоких елей сомкнулись над узкой дорогой. В полной темноте Юрий Иванович и Алёша дошли шал лесом, который, казалось, был наполнен таинственно скрытой жизнью.

Сомнения мучали Алёшу. «Может быть, и не приедет и ничего не будет?» — думал Алёша. Ему хотелось заговорить, но он ещё несколько побоялся Юрия Ивановича. И то было совершенно удивительно, что он шёл с ним, как равный!

В представлении паренка, только год назад начинавшего самостоятельно работать, Юрий Иванович был окружён неким ореолом. Юрий Иванович — не только кандидат биологических наук, майор запаса, но и член правления областного Общества охотников. Он держал охотничьи уток и двух рыжих сестер. Начиная с августа, каждый выходной Юрий Иванович уезжал и привозил то тетеревов, то куропаток, то уток и небольших дятлоколовых птиц — бекасов и дупелей, как теперь узнал Алёша. В начале зимы произошло событие, поднявшее Юрия Ивановича на недостижимую высоту: он привёз двух волков. Алёша очень завидовал, что про волков не говорили «убили», а «взяли», и, вероятно, тогда-то и зародилась у него мысль обязательно сделать охотником.

Преодолев робость, Алёша позвонилась с Юрием Ивановичем и рассказала ему о своём желании. Юрий Иванович оказался вовсе не таким недостижимым, подумал и согласился взять Алёшу на охоту.

— Только будешь слушаться, — сказал Юрий Иванович. — По скворцам, жаворонкам и в белый свет не палить. Будешь учиться, чтобы сделаться настоящим охотником. Настоящий охотник, — продолжал Юрий Иванович, мечтательно глядя поверх алёшиной головы, — это вдумчивый, сдержанный, научившийся преодолевать любые трудности, тот, кто приносит много дичи, любит и бережёт природу. Кто умеет быть незаметным в аэсу, — Юрий Иванович перёвёл взгляд на лицо Алёши, — стреляет редко, да метко. Кто в случае войны будет отличным разведчиком или снайпером.

Позже, когда согласие матери было получено, вопрос о отпуском улажен, ружьё и принадлежности куплены, началось интенсивное время. Днём сильнее протравлено солнце, утки устраивали в своём сарайчике настоящие концерты. По вечерам Алёша приходил к Юрию Ивановичу. Тот разрешал на антеккерских вёсах порох, отмерял дробь, высекал из вольфрама, пропитанного особым составом, палки, снаряжал патроны и поучал Алёшу охотничьему уму-разуму.

Наконец весь подготовительный период, стуча вострым нагой и уютнейшей путь до деревни (корзинку с утками нёс Алёша) остался позади. В деревне высадил уток в калёты, где им предстояло отдыхать сутки, перекусали и отправлялись строить шалаши на косах. Их соорудили из дровишек на поле в двух известных Юрию Ивановичу местах. Предварительно Юрий Иванович тщательно осмотрел поле, нашёл терпеливые

ТРИ
СТИХОТВОРЕНИЯ

Славу Ильича народ хвалит,
Облик Ильича навеки врезан —
В гипс и глину, в бронзу и гранит,
В золото, и мрамор, и железо,
В плоть и кровь решительных сердец.
В неуклонную судьбу планеты...
Отдамы ему стальной резец.
Кисть художника и пень поэта.
Самые священные слова,
Самые заветные виденья,
Сказочное чудо мастерства,
Солнечная тайна вздохновенья.
Мы хотим
Гравюрой, вросшей в медь,
Музыкой работы человеческой
Каждый взгляд его запечатлеть,
Каждый жест его увековечить.

***

Нет, не умирал Владимир Ленин!
Был январь. Замедлавший год.
Над осиротевшим поколеньем
Родина склонилась...
Напробот

Ночь провёл в печальном кабинете
Человек испытанной души.
Много сплел смел он до рассвета,
Много трубок искрил в тиши.
Много передумал, взвасил, смирил,
Прежде чем в кремлёвской тишине
Распланировал перед нами дери
И шагнул он, видный асей страню.
И страна увидела впервые,
Как седеет за ночь голова,
И страна услышала прямию,
За душу берущие слова.
И поверила тогда навеки,
Насегда поверила страна,
Что в могучем этом человеке
Ленинская жизнь воплощена.
С той поры ведёт он неизменно
Солнечной дорожкою народ.
Нет, не умирал Владимир Ленин,
Если Сталин на земле жмётся.

***

Ручей на Вадае, Волга,
Здесь ты путь начинаешь долгий.

Ты звенишь у слобных мелей
Меж берёз и зелёных олей,
Вдоль лесов, где медвежий угол,
Путь от севера держишь к югу.

Мимо острова, бора, мыса
До Каспийского моря мчишься.

Как небесная лента, вьвьшись,
Как земная легенда, львьшись.

Здесь, где путь от природы ясен,
Встал за счастье народа Разин.

За волной голубою степлю...
Любовался тобою Рагин.

Здесь, взглядевшись в Россию зорко,
Посвятил ей все силы Горный.

Юность, в крылья поверив, мчалась,
Как зодумал Валерий Чкалов.

Мы трудились немало — годы,
Чтоб придвинуть к Уралу воды.

Ты поёшь у московских пашен,
Отразив свет кремлёвских башен.

По речному раздолью глыбы —
Баржи, полные солью, рыбой,

Чтоб увидели это волны,
Поднимает их ветер вольный...

СТУДЕНТЫ
МОЛДАВИИ

Фото Л. Раскина

Эти фотографии двух высших учебных заведений Кишинёва. На верхнем снимке вы видите здание университета, внизу — сельскохозяйственного института имени М. Ш. Фрунзе.

С ясной гордостью говорят теперь молдавская крестьянина:

— У нас есть свой университет...

Разве мог прежде мечтать сын крестьянина понасть в институт? Теперь в Кишинёве тысячи студентов — детей рабочих и крестьян. Они учатся в техникумах, в педагогических, медицинских и других институтах.

Очень характерно для студенческой жизни Кишинёва участие в работах по восстановлению города. Днём лекции, семинары, самостоятельная работа в библиотеке, а вечером студенческие бригады стеклодувов, электромонтёры, штукатуры занимают свои места на строительных лесах.

Вот перед вами на верхнем снимке (слева направо) студенты 1-го курса университета, отличники учёбы, комсомола Ренка Смирнова, Ала Иверелди, Майя Евгения и Валентина Фрунзе. Это практически занятия в лаборатории общей химии. Лабораторией руководит профессор Антон Васильевич Аблов.

В университете хорошо работает научно-студенческое общество. Студент И. Целевой выступил с докладом «Ирригационные Бессарабии и Рессии в 1812 году»; интересная была работа студента Е. Левитя о кишинёвском периоде творчества Пушкина.

На нижнем снимке: занятия на кафедре кормления сельскохозяйственных животных; слева направо — руководитель кафедры Прасковья Платоновна Бережная и студенты-отличники Любовь Хохлова, Владимир Игалькович и Валентина Исаява.

АЛЪМАНАХ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»*

В альманахе «Молодая гвардия» напечатаны произведения 34 молодых писателей, живущих в различных городах и районах Советской страны. Среди них есть уже творчески ориентированные поэты, а также и новички в литературе, впервые выступившие перед широкой кругом читателей.

Альманах открывается поэмой Алексея Неголонова «Флаг над сельсоветом». Здесь впервые публикуется вторая часть поэмы. Не будет преувеличением сказать, что это — самое значительное и яркое произведение советской поэзии о послевоенной деревне.

В поэме А. Неголонова верно и глубоко показано новое, социалистическое и жизненное настроение. Поэт подчеркивает общесоциальное значение труда своих героев. Горизонт автора не ограничен селом Дубравкой, в котором протекает действие поэмы. Борьба за хлеб показана им как часть борьбы всего советского народа за коммунизм. Органично и естественно через всю поэму проходит образ Кремля как символ единства и могущества нашей Родины.

Социалистический труд, озаренный сознанием его общественной полезности, труд не только как гражданский долг, но и как потребность советского человека, — основная тема лучших произведений альманаха. В борьбе с природой и победой над ней поэты В. Тулинова и Я. Воронцова, эмоционально напряженным стихотворением «Лугу к руде», замечательным аналитическим эссеистическим творением «На пороге молодости» бурят-монгольского поэта Жагдыр-Очира, стихотворением о далековосточном поэте Ю. Шаркова, стихотворением Т. Воронцова, С. Гуденко, С. Наровчатова, В. Захарченко и других.

Есть в альманахе слабые произведения. К ним относится отрывок из поэмы «Марьевская легенда» новосибирского поэта П. Фидоренко. Новость способного молодого писателя М. Николаева (там же) «Вдум жизни» несет следы незрелости поэта. Новость загромождена вычужденными элементами, в ней несправедливо много действующих лиц и мало живых, законченных характеров.

В альманахе напечатано несколько хороших рассказов, свидетельствующих о том, что среди молодых писателей есть немало талантливых прозаиков. Удачен рассказ В. Луцичева «Стрелы». Автор поэтично и убедительно показал радость творческого труда, любовь к своему делу, помогающую герою преодолеть трудности в работе на отдаленной стройке. Ироничный и яркий образ старика-«колхозника» создаст Ф. Черен в рассказе «Беспокойная душа». О бытовых подробностях, тематике и живописала С. Антонов («Книжки-зачинки» и «Глава семья»).

Нет необходимости перечислять все удачные и неудачные произведения альманаха. Нервы гораздо больше, да и в искусстве можно сказать, что они в основном являются яркими литературными произведениями. Перед молодыми писателями стоит задача — овладеть художественным мастерством, выйти на уровень большой самостоятельной работы.

Д. ГАЛАХОВ

* «Молодая гвардия». Альманах молодых писателей. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1948 год. 236 стр. Цена 12 руб. Тираж 15 000.

Молодая Гвардия

Внешний вид домика Нащокина.

Вл. ЛИДИН

ДОМИК НАЩОКИНА

Наступили белые ночи, и всё в Луге было полно тонкой прелести весны и запаха сирени в садах. В такие вечера можно подолгу бродить по бесконечным улочкам города, забредать на его окраины, откуда начинаются пути на Псков или Новгород, и глубоко дышать в себя свежий воздух северной весны.

Художник, приехавший в Лугу из Петербурга, так и поступил в этот вечер. Он долго бродил по тихим улочкам города, и был уже поздний час, когда позвонило он у подъезда двухэтажного домика на Московской улице. Ему открыли не сразу. Он стоял — высокий, в черной, художнически простой шляпе — и ждал. В карман его крестик застучел был ушей, в холщовом переплете альбом для зарисовок. Мужской подзащитный голос спросил за закрытой дверью: «Кого?», прежде чем впустить посетителя.

— Это Галицкий, — сказал художник.

Его впустили. Человек, державший медный шандал со свечой, был низок ростом, густо, по самые глаза зарос угольно-черной вазелинской бородой и походил больше на предка, чем на современника.

— Приятно видеть вас, Сергей Александрович, — сказал он с той, однако, зажатостью, какая свойственна антикварам и бункистам, мне очень-то расположеном в глубины своего жилища. — Давно ли в нашем гостеприимстве?

— Да вот заскучал посмотреть, нет ли чего новенького, — ответил художник.

Он любил бродить, собирать старину, воспоминательный век, и антиквар хорошо знал его пристрастия и вкус.

— В Петербурге-с надо искать, в Петербурге-с, — сказал он вставительно, с той усмешкой, какая означала, что истинные сокровища, конечно, надо искать не в столице, а именно в недрах, в глуши.

Это была обычная поводка антиквара, и художник терпеливо выждал, прежде чем перейти к глав-

ному. Они сели в кресла, хозяин достал из буфета с радужной шторкой бутылку красного вина — в винах тот и другой толк понимали, — и они чокнулись бокалами.

— Ну, как в Петербурге, Сергей Александрович? — спросил антиквар. — Какие новости в области искусства? Говорят, на выставке Академии художеств Крижичкий имеет успех?

Глаза художника осязались с полударком, и он усмотрел в жилище луговского Гобека и живою, блиставшую ламоч поспе реставрации горку красного дерева и бразовую модельку фальшивостергового Петра.

— А у вас в Луге что же — провинция, — заключил антиквар, но, судя по тому, что выставил он посетителю не какой-нибудь дешёвенький лафит, а настоящий «Шато-лароз», можно было предположить, что он находится в отличном расположении духа.

— Я прослышал, однако, что вы приобрели нащокинский домик, — сказал вдруг художник в упор, — вот по этому поводу я и приехал в Лугу.

Антиквар держал бокал в руке и смотрел сквозь вино на огонь.

— Легко сказать — приобрёл! — усмехнулся он. — Скажите — охотился за ним, ночей не спал, Сергей Александрович!

И только тогда, когда нельзя уже было ни таинственно отмалчиваться, ни хитрить, он отставил бокал и пошёл показывать свою находку.

«Дорогой Яков, — писал ночью Галицкий брату в Петербург, — помяни наши с тобой мечты: основать в России Пушкинский дом, в котором было бы собрано всё, что связано с жизнью и творчеством великого поэта? Сегодня у антиквара в Луге я нашёл замечательную вещь: домик Нащокина. Антиквар запросил за него препорядочно —

Кабинет в домике Нащокина. (Из архива реставратора.)

пять тысяч. Что делать? У меня сейчас таких денег нет, а уступить вещь не могу. Может быть, она положит начало будущему пушкинскому дому. Я вешу эту брелку, хотя она в страшном беспорядке и требует кропотливой многолетней реставрации».

На другой день из Петербурга пришла лаконичная телеграмма: «Почувствуй». Брат был таким же почитателем Пушкина, и нашкоцкий домик являлся и его. Две недели спустя, упавшийся в ординар, домик был вывезен в Петербург. При затряхнутых тяжёлых шторах, чтобы дневной свет не рассеял впечатления, братья вскрывали шкафы, и домик с гербом рода Нащокина на фронтоне предстал перед ними.

Павел Виноградов Напошкин был другом Пушкина и приятелем Гоголя. Это был человек своеобразный и в своём роде замечательный. Гоголь посетил его несколько лучших дней во время своего «Мёртвого душа»: в них он вывел Напошкина под фамилией Хлоубева. Пушкин крестил дочь Нащокина, а Напошкин, в свою очередь, крестил старшего сына Пушкина. В квартире Напошкина, среди множества необычайных предметов, был двухэтажный домик, все украшения, мебель и посуда в котором сделаны были замечательными мастерами-инициалами: весь домик был аршина в два диаметра. Он стоял Напошкин около сорока тысяч рублей, и всё петербургское общество съезжалось любоваться им.

«Дом его (поименно?) отделяется, что за подпольем, что за стенами», — писала Пушкина в письме. «Он казался фортепиано, на котором играть можно будет пауку, и сидию, на котором исприсятся разве шпакля муха». «С Напошкиным вникаешь в суть. У него в домике был пир: подняли на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросёнка. Жаль, не было гостей. По своей душой, домик этот отпадает от тебя», — пишет Пушкин в другом письме. «Дом Напошкина доведён до совершенства — недостает только живых человечков! Как бы Маша им радовалась!» — помнит ещё в одном письме Пушкин.

В оcharовании пушкинских вещей открылся перед братьями Галлициным испытанный всевозможных судеб и превратности, переходивший из рук в руки домик Напошкина. Братья домиком пленялись. Обои на стенах, старинные картины Пушкина, овладели мечтой: сделать напошкинский домик одним из сокровищ будущего музея поэта. Долгие месяцы, бродя по Александровскому или Александринскому театрам Петербурга, искали они старинные ткани, грушевую посуду или миниатюрные подсвечники. Работали резчики и столяры, подвешивая и вверая недостающие части для полноты мебели обшивки тканью. Из этой мебели обшивки. На императорском фарфоровом заводе старый мастер Лебедев сделал из фарфора недостающую посуду в копии с фигурами Пушкина, читавшего в одной из комнат домика стихи.

В 1910 году на конференции-заседании Академии художеств академик живописи Галлицин выставил реставрированный им домик Напошкина. Александровским президентом Академии художеств был избран великий княгиня Мария Павловна. До-

мик Напошкина осмелён был крошениями электрическими свечками, которые можно было зажечь, орудуя в тушкиский мир, и художник надеялся, что президент Академии художеств отнесётся сочувственно к мысли о создании Пушкинского музея в России. Но мысль эта задержалась перед напошкинским домиком, и художник понял, что его надежда напрасна.

Выставка в Академии художеств закрывалась. Домик был снова затоптан и сломан. Железные меценатствам кулекулестом. В доме Вострякова, на Большой Дмитровке, помещался Литературно-художественный кружок. Художник и писатель Андрей Грехнев разрешил выставить домик в одной из зал кружка. Выставить домик ему разрешили, но победить московских меценатов пустить подполье лист, чтобы собрать средства на Пушкинский дом в Петербурге. Меценаты строили в ту пору доходные дома — им было не до Пушкина.

В конце года спустя правдоподобно, 300-летие дома Романовых. Остаётся последняя надежда — выставить напошкинский домик на выставке в Царском Селе, чтобы напомнить о великой славе России — Пушкине. Художник Галлицин сам далал Николаю II пояснение. Свечи в домике были зажжены, при их свете Пушкин читал стихи, но бока домика стояли дырами в казках. Волдырями глазами смотрел потомок Николая I, палач декабристов и Пушкина, на связанный с именем великого поэта домик: он был равнодушен к славе русского правительства. В Петербурге, его величество проследовал дальше. За 1913 годом стоял на пороге год 1914-й, первая мировая война с её эпизодом — свержением величайшего самодержавия в России.

Великая Октябрьская социалистическая революция сделала домиком народом всё в душе его славы истории. В торжественном неслыханном митинге Николая Пушкина, ставшего, по пророческому своему слову, доступным и гордому своему слову, доступным и гордому своему слову и финну. В 1921 году молодой человек разрылся в Москве одного из братьев Галлициных: молодой человек был поклонником наркомом просвещения Луначарского.

В Ленинграде старался разыскать домик Напошкина, и по поручению наркомом просвещения директор домик приглашал привести его в порядок: домик должен был стать одним из экспонатов будущего музея Пушкина.

На пушкинской выставке, в Историческом музее в Москве, в дни празднования столетнего юбилея со дня смерти поэта, выставлен был напошкинский домик, в миниатюре обсерватория предметный мир пушкинской эпохи. В 1949 году, в дни празднования 150-летия со дня рождения поэта, предлетит открытие в городе Пушкине, бывшем Царском Селе, в здании Царскосельского вокзала, в котором унаследован Пушкин, музей имени поэта. Домик Напошкина после столетнего странствия напел своё пристанище.

Я занёс эту повесть у постели 76-летнего молодого старика, раздвинувшего когда-то со своим братом радость наркомом и реставрирован напошкинского домика. Мечта их живи — увидеть музей имени Пушкина — смелая осуществилась только при советской власти. Не оставил всё для прославления великих сынов нашего народа.

ЭПОН ЖИВ, ЭПОН БОРЕТСЯ...

В Греции на оккупацию выехали нацисты в английском и немецких языках, а сами греки. Свободозлюбители греческого народа дали имкуту но прекратили борьбу против поработителей. Из 12 миллионов человек населения Греции потерла свыше 1 миллиона.

В октябре 1941 года, когда вывели ещё и больше не было, в городах и деревнях Греции уже развилась греческая национально-освободительная — греческих бойцов партизанской армии ЭЛАС.

Важную роль в национально-освободительной борьбе греческого народа сыграла патристическая молодежь Греции. Ещё в годы врасской оккупации народом массовая национально-освободительная организация ЭПОС. Численность её достигла 60 тысяч человек. Народо-освободительная армия ЭЛАС на три четверти состояла из членов ЭПОС.

Однако греческому народу не удалось воспользоваться изгодами своей войны. Желанная свобода так и не обрёл. С помощью английских войск греческие реакционеры-фашисты нанесли бесцельную войну против демократических элементов. Хозяйничая в стране стали авторы

покинуты: «долой фашизм, да здравствует демократия».

Важный день в Греции произошёл 14 октября 1944 года. В этот день монархо-фашистские правители, в свои руки активно содействовавшие фашистским оккупантам, теперь жестоко расквитались с истинными патристами и борцами за свободу и демократию. С июня 1941 г. по август 1944 г. в Греции было убито 460 человек — членов ЭЛАС, 3 мая, за один только день, в Афинах, было убито 10 тысяч человек. Был расстреляно 141 человек, за последние дни в 1944 — ещё 41 тысяча, 829 приговорённых к смерти ждут казни, 11 тысяч патристов убиты без всякого суда.

Единственная «вина» этих людей заключалась в том, что в годы войны они самоотверженно боролись против фашистских захватчиков и их греческих приспешников.

Неслыханное злодеяние греческих фашистов выгнали извне и в возмущении выгнали изнутри своего мира. Весь народ выступил против фашистского правительства. Страна протестует против кровавых преступлений, чинимых в Греции, и требует отбавления монархо-фашистских убийц. Советское правительство и свое население, представители демократии в Греции, Афинах, подкрепили, что оно поощряет разделение власти советской общественности.

В море чехословацкой кривизны греческого народа, фашисты и их иностранные хозяева упились стремление народа к свободе и независимости. Ничего невиния империалистов уже обоблели Греция в 35 тысяч человек. Но война народ не убит. Всё слышит и чувствует народ. В начале титанической войны, расступ ряды демократической армии генерала Маркоса, монархия её угнетала ширится территория, освобождения греческого народа. Греция отвергает временного демократического правительства свободной Греции, и каждый выбывший из строя борец становится десятком вояк. ЭПОС объявляет, что в Греции никогда ещё не было так сил и сил, как сейчас.

Молодая греческая патристка Кула Элефтериду, осуждённая на смерть, принесла письмо к своим друзьям по ЭПОС: «Невозможно, что моя смерть будет для вас тяжёлым ударом. Но мы скоро победим, что лучше уверить в свои идеалы, которые являются идеалами всех трудящихся, чем впасть позорное существование».

Не плачь обо мне. Моя смерть не напрасна. И вышло само национальное дело перед народом. Пусть и мой кровью будет для вас тяжёлым ударом. Независимости и народного единства. Кула».

Отряд ЭПОС, членом которого был Кула, вступил в борьбу. Письмо реших завербовал в свой ряд 26 новых членов. За 24 дня отряд вырос до 246 человек.

На освобождённой территории Греции создана новая именная организация — «Демократическая молодежь Греции». ДМГ.

Молодежные организации Македонии и Фессалии объявили набор молодых борцов за свободу страны. Меньше чем за месяц в армиях было мобилировано 10 тысяч бойцов.

В 1945 г. в годы немецкой оккупации, молодые патристы продолжают бесстрашно сражаться с орудиями фашистского угнетателя. Импрериалу, как и в годы войны, не удалось избежать, всего составляет не менее 35 процентов Демократической армии партизанского движения. В настоящее время многократно увеличен греческий народный фронт за независимость и демократию.

П. Александров

Командующий греческой Демократической армией генерал Маркос (справа) и его помощник Кикистас.

В Греции и американские империалисты и английские монархо-фашистский режим, ничуть не лучше, чем гитлеровское.

Даже по официальным данным правительства Греции, экономическое положение страны сейчас в три раза хуже, чем было три года назад.

Шестидесть тысяч человек лишены крова. В стране царит голод. Прогнозируют, что больше 100 тысяч туберкулезом и другими болезнями, вызванными недостатком питания.

70 процентов молодых рабочих не имеют работы, молодежь не получает заработной платы, рабочий законодательство, не получает пособия по социальному обеспечению.

Школы закрываются и превращаются в казармы для оккупационных войск. В Афинах из-за недостатка средств закрыты медицинский, зубной, ветеринарный и химический институты.

В 1945 г. в годы немецкой оккупации, молодые патристы продолжают бесстрашно сражаться с орудиями фашистского угнетателя. Импрериалу, как и в годы войны, не удалось избежать, всего составляет не менее 35 процентов Демократической армии партизанского движения. В настоящее время многократно увеличен греческий народный фронт за независимость и демократию.

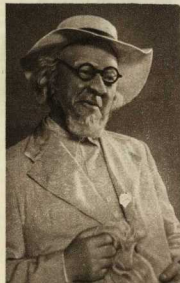
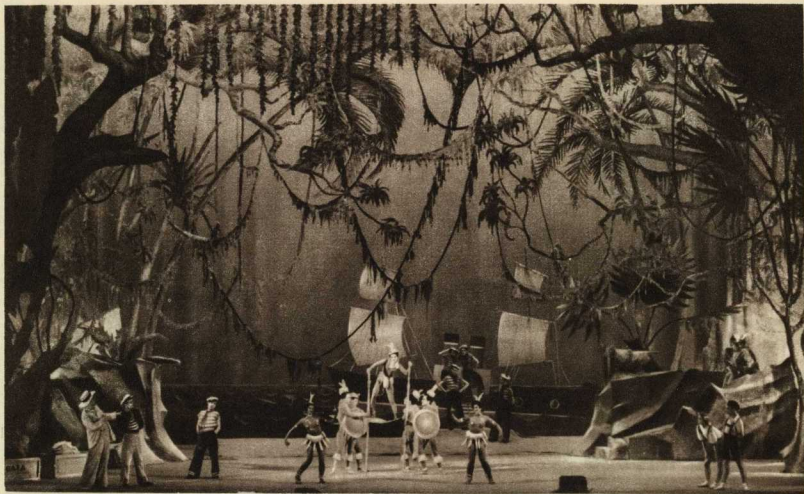
утистик Сирос за то, что он

Лауреат Сталинской премии
художник А. И. Лактионов

«Письмо с фронта»

„Доктор Айболит“

Интересная сказка К. Чуковского «Доктор Айболит» давно стала любимым произведением советской детворы. В своих играх дети часто изображают героев чудесной сказки. Этим самым они как бы подготавливали умственное и эстетическое представление «Доктора Айболита». И вот, идея восторженно желанным зрителям, Новосибирский театр оперы и балета, создал музыкальный спектакль, удостоенный Сталинской премии.

Композитор И. Морозов сумел дать каждому персонажу четкую музыкальную характеристику. Музыка балета проста, выразительна и интересна. И исполнением артистка А. Беловой маленькая девочка Танечка так обаятельна, что дети откладываются верить, будто перед ними двадцатичетырехлетняя актриса. Композитор И. Морозов, постановщик М. Моисеев, художник Б. Клобоз, дирижер И. Зак, артистка А. Белова доносят до юного зрителя благородную идею сказки, вызывают ему гуманные чувства.

На сцене как: танец из второго действия: Айболит—артист М. Моисеев, Мишка—артист М. Мотовилов, Танечка—артистка А. Белова, Ванечка—артист М. Шкифоров, Лисичка—артистка В. Ювачева, Бармалей—артист Е. Ефимов.

Фото М. Зильберштейна.

Рисунки Г. Вальки

Доповни себя на Тильмушке

Юмористический рассказ

Здравствуй, милая Нина!
 Ты, впервые, ужасно обиделась на меня за то, что я не ответил на твой прошлогоднее письмо. Тогда ты написала: «Возможно, мое письмо тебе не застанет, так как ты на практике...» А я на практике как раз не был! Каким образом? Ты тебе сейчас всё расскажу, но с уговором: пусть это будет только между нами!!! Видишь, я даже подчеркиваю и поставлю три восклицательных знака. Значит, это очень важно. То есть, конечно, насчет прошлогодней практики уже не важно, потому что это — дело прошлое. А сейчас есть дела в 1000 раз важнее! Я тебе об этом пишу просто для того, чтобы ты знала, отчего я тебе не ответил.

Понимаешь, меня назначили на практику вот знает куда, в таргартары (не знаю, как это слово пишется), в какую-то больницу в Якутию! Ну, конечно, я сейчас же забелел! В конце концов, не зря же я в мир кurses! Знал стою! Стою болезней, можно выбрать себе какую-нибудь подходящую. Тем более что у меня действительно первые инкуды не годятся. И оказалось, что мне от тебя кое-что нужно. Я срочно ехать в какой-нибудь южный савайотри я не лечу, а лечишь!

Ничкожа, пожалуйста, не змуришь! Я знаю, какая ты строго принципиальная, я знаю, что ты бы так не поступила. Но я решила писать тебе всё начистоту, потому что ты самая умная, самая талантливая и самая чуткая из всех моих подруг. Ты подумай: «Зинка ко мне подбежала, наверно, ей что-то очень важно».

Нина, я не подвезжаю, правда, ты самая лучшая из всех девочек нашего выпуска. Но правда и то, что мне от тебя кое-что нужно. И даже не кое-что, а очень, очень много.

Обычно всё по порядку, но опять преудуряю! — только между нами!

В общем, дело обстоит так: в этом году я кончаю институт. Вопрос: куда?.. Ты свистнула, ты уже кончила и выбрала себе то, что было тебе по вкусу. Конечно, о вкусах не спорят, но лично я на твоём месте и при твоих исключительных способностях (да ещё при твоих знакомствах!) ни за что не закаталась бы в такую, извини, дырку, как твою какой-то там таежненькую больничку Эррочем. Гошка (на его поминки) говорит, что ты такой человек, которого видно отовсюду, где бы ты ни была, даже за 6 тысячь километров!

Ну, а я не такой человек. Я хочу, чтоб меня было видно в Москве, и только в Москве! Правда, Гошка ехидно намекает, что некоторые люди, даже пребывая в Москве, остаются совершенно никем не замеченными и никому не нужными. Это, очевидно, на мой счёт, но у меня об этом своё мнение.

Итак, вопрос: куда? Я начала об этом думать с осени, вернувшись с урората. Теперь весна, и у меня буквально зашёл ум на разум. И мне уже не до декций, не до экзаменов, и я вообще не знаю, что я буду нести на этих экзаменах. Профессор Буркин (ты помнишь старика?) читает лекцию, а я гляжу на него, абсолютно ничего не понимаю и душою: «Папа с ним знаком... Надо, чтобы он попросил пропустить меня у него в клинику».

Поговорила с отцом, но ведь ты представляешь моего папушу? Разве он сделает что-нибудь для единственного ребёнка! Был грандиозный скандал, мама даже плакала, а отец сказал: «Чуть тебе знает, от куда ты выхавалась этой гадостью! Можешь на меня не рассчитывать!» Но раз собственной отец не хочет помочь собственному ребёнку, к кому же идти? Ты не поверишь, я никогда не трывала столько нервы, как в эту безумную зиму! Я слеза слогом помчалась к тётке Лизе. Тёти Лиза — ответственный работник и ведёт кадраны. Нагорюжилась старухе с три короба, разжалобила, но, честное слово, я не уверена, что из этого что-нибудь получится. Теперь я готова быть хоть лаборанткой, пойти хоть в канцелярию, но только чтоб не в таргартари!

И вдруг вспомила Мишку! Мишку, который кончал институт вместе с тобой и который работает сейчас организатором у Агатов Иванюны. Идеал! Когда-то Мишка лгуно тарашка на меня глядя и вздыхал, а я хохотала, уверяла девочек, что он полог на вряба. Какое непорочнострельство и какое глупое сравнение, правда? Будь он полог хоть на скорпиона, но он именно то, что мне нужно! Он для меня станет всё, что я захочу.

Надела новую шляпу (чуло!) Мне её делала из Кузнецкой и помчалась к Мишке. Зноно, Мне открыла какая-то рыжеватая девочка в майке:

— Вам кого?

— Мишу.

Девочка делала официальный физиономии и ведёт меня в комнату. Я захожу, Мишка сидит за столом, в очках, ещё больше похож на врябу. Я восторженно кричу:

— Миша!

Он покосился, узнал и, предстало, страшно обрадовался:

— Зина! Какими судьбами? Вот, поздравляю, моя жена, Катя. Тот же молодой вряч.

«Ну, думаю,— значит, номер не вышел, не станет для меня стараться». И тут, уж ты извини, пользовалась твоим именем. Говорю:

— Мишенька, я к тебе пришла, потому что мне нужен адрес Нины (но есть твой).

Он расчувствовался и полчася говорил о тебе, что ты замечательная, талант, что в министерстве заинтересованы твоей работой...

И так и подользали:

— Значит, Нишу scorso переведут в Москву?

А он, чудачко, удивился а говорит:

— Зачем? Она совсем не собирается сюда. Она там ведёт большую работу.

И вдруг спрашивает:

— Зина, может быть, к ней собираешься?

Как же, сейчас! Я ему что-то промямляла, звала твой адрес и регистровалась. Устроилась, называешься!

А тут — ещё не лече! Нам комсорг (ты его не знаешь, он у нас недавно, бывший фронтонг) решил провести с нами собеседование. Конечно, о чём — о наших планах на будущее. И, понимаешь, как глупо, на каком курсе подользалась, все такие девочки, которым всё равно куда, лишь бы добравшись до самостоятельной работы. Не знаю, может быть, она притворилась, а может быть, действительно такие «кодерящие», но куда выступила: мечтает забраться куда-то, чуть ли не на Северный полюс, другим — на Урал, третья — на Дальний Восток! Жуть! По-моему, это они парочко.

А комсорг, между прочим, говорит:

— Но есть и такие, — и при этом косится на меня, — которые, проучившись пять лет, предпочли бы сестры регистраторами, лишь бы в московской больнице.

И тут я, конечно, сделала гадость. Я встала и сказала запальчиво:

— Если вы обо мне, то жестоко ошибаетесь. Регистраторкой я не буду. И если мой муж, очень ответственный работник, никуда из Москвы уехать не собирается и не может, едва ли меня отпустят от семьи и пошлют за тридцать семь!

Тут все на меня дико смотрят, потому что все отлично знают, что я не лажуюсь. А я это знала лучше всех. И комсорг говорит:

— Какой это ещё у нас ответственный муж?

Мне бы надо смолчать, но раз уж я лягнула, продолжаю в том же тоне:

— Какой? Тот, за которого скоро выхожу замуж! До экзаменов.

Нина, я тебе сознаю, но, конечно, тоже между нами: это бред! Никакого ответственного жениха у меня нет. Есть один старший лейтенант, которому я очень нравлюсь, но знаю, что он недалеко скажет: «Значит, и мечтало, что моя жена будет моим лучшим товарищем. Например, моя жена была бы нашим полковым врачом. Наш полк перевели бы куда-нибудь далеко-далеко, она и я там...» Хотела я ему сказать: «Желая нам счастья, ищите себе такого полкового врача...» — ну да уж лавно!

— Вот теперь я подхожу к самому главному.

Нина! Ты должна мне помочь. Как? Нина! Твой делюшка, кажется, заведует в Москве какой-то психиатрической больнице? Ничкожа! Будь другое. Срочно напиши своему милому делюшке, пусть возьмёт меня к себе в больницу!

Больше писать не могу, волнуешься и еду отсюда.

Целую тебе крепко, крепко. Твоя Зина С.

Р. S. Да! Не отвечая на вопросы, которые ты задавала мне в твоём прошлогоднем письме, потому что куда-то же делала и так и не пришла. Но это не важно. Жду ответа.

Пишу тебе, форточка открыта, весна, на крыше чирикают воробьи. Счастливей! Они-то наверняка остаются у нас на Тильмушке!

Твоя Зина С.

20 марта 1948 г. Москва, Плещиха.

Зина! Я не пишу тебе склзда Зина, потому что не хочу кричать душой. Я получила твоё письмо и

вот второй день хожу изголодеван-
ная, огорченная и обиженная.
Почему я изголодала? Попро-
му что я чувствую себя выносо-
той. Оказываете, у нас вместе,
мы очень мало знаем друг друга и,
как это ни обидно, мы очень раз-
ношумо друг к другу. Мы часто
думаем только о себе и не думаем
о товарищах.

Прочитав твоё письмо, я стала
вспоминать наши с тобой встречи
и разговоры. Мы жили тогда в од-
ном с тобой доме, на Плющихе. Я
на год старше тебя. Мы часто хо-
дили вместе в институты.

О чём мы говорили? О науке, о
литературе? О каких-то друзьях,
отдававших всё свои силы, а
иногда и жизнь? О счастье быть
полюбован на живя? О нашей бу-
дущей жизни и работе? Нет.

Ты обычно спрашивал о модах,
о заграничных модных журналах,
об американских фильмах, виденных
тобой в Домо вино, о фильмах, в
которых так чудесно излучает
«дикие» газетные девушки.

Ты болтал о Гоше, Мише, Бэне...

Ну, что ж, я тоже люблю хоро-
шо одеваться, и я тоже была то-
гда влюблена. Но любовь представ-
ляет мне чем-то совсем другим,
а не приснопамят «ответственно-
го» женка. И мне (прости!) попрос-
ту бывало скучно с тобой. И толь-
ко я не пыталась заглянуть в те-
бя поближе и открыть в тебе то
хорошее, настоящее, что есть, не-
зависимо есть в каждом молодом
советском человеке.

Теперь я понимаю твою ошибку,
мы таксово, и я хочу исправить её,
как считаю нужным.

Одно я могу тебе обещать: твою
проблему, чтобы «всё остальное между
нами, я исправлю. И не знаю твою
фамилию, говорю тебе, чтобы
в письме с посторонними людьми.
Тынах, как ты, к счастью, немного.
Но вместе с тем ты не озада с та-
ким характером и не озада с таким.
Потому, если наши с тобой пьеса
ма окажется какими-либо образом
напечатанными в прессе и будут
обсуждаться студентами, никто
право не укажет на тебя пальцем
и не скажет:

— Это твоё проба.

Но ты, конечно, поймёшь, что
это тво проба.

Знаю, не обижайся, делуде я
писать не буду. Что бы я могу напи-
сать: «Милый делудека, прими, по-
жалуйста, к себе в больницу для
душевнобольных Зину С...» В ка-
честве кого? Нет, разумеется, не
в качестве врача, ты же не психи-
атр. В качестве пациента? Нет! Я
не хочу считать тебя душевноболь-
ной, хотя такое письмо, какое при-
шло мне ты, не мог написать со-
вершенно здоровый, по-настоящему
умный молодой человек.

Что я могу тебе посоветовать?
Вспрысь всю дурь из головы. Её
не должно, садясь за работу и ра-
ботай день и ночь. До изнеможения
остались считанные дни. Потрать их
на устроение личных делю-
шек, а на прочную, добротную по-
стройку всей своей жизни. По
окончании института, если хочешь,
просись ко мне. Но боюсь, что ты
этого не захочешь. А я бы встрети-
ла тебя, как друга.

Вспоминаю, Зина, а ты свиделась.

Да, о воробьях! Я очень люблю
летать дерюж, весёлых москов-
ских воробьях. Передай им мой
привет и поощрение. Если они
знают, что человек, так же по-
разному им вандует,—они воз-
можат себя орлами.

Ирина К.

На совещании поэтов в «Смене». Выступает П. Воронько.

Фото С. Косырева

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ В «СМЕНЕ»

В редакции «Смены» недавно состоялось совеща-
ние молодых поэтов.

Представитель редакции М. Лысов в своём выступ-
лении рассказал о работе с молодыми авторами.
Он отметил, что на страницах журнала напечатано
много стихов молодых поэтов, живущих в разных
областях и республиках. Некоторые из молодых
поэтов были представлены ценными циклами стихов
(С. Орлов, В. Бернадский, И. Вахрева, П. Воронько и
другие). Большинство опубликованных стихов посвя-
щено темам послевоенного строительства нашей стра-
ны, жизни молодёжи.

Все выступавшие на совещании отметили как положи-
тельное явление тот факт, что «Смена» широко
печатает стихи молодых поэтов, живущих в разных
краях страны.

— «Смена» сделала хорошее начало, напечатав не-
сколько десятков стихотворений совершенно новых
авторов, — сказал в своём выступлении Платон Во-
ронько. — Год тому назад на совещании молодых
писателей в ЦК ВЛКСМ было сказано много хоро-
ших слов о поэзии, о молодых, о творческом росте
их, о почтении их произведений. Но всё же не все
журналы хорошо организовали работу с молодыми.
Я в этом отношении сделала некоторые успехи.

Студенческие научные конференции

Труден путь в науку. Выбывают и
ошибки и срывы. Но всегда можно
обратиться к советам и старшим,
узнавшим долгие годы научной
практикой учёным, всегда можно
поучиться от них.

Лучшей формой передачи опыта
старшего поколения учёных молодым
являются студенческие научные
учебные общества.

В за крупнейших институтов
Ленинграда (инженерского, корабле-
строительного, технологического и
иных) имеются студенческие науч-
ные общества. В других институ-
тах созданы научные студенческие
общества. Работают
научные кружки, которые
принимает участие свыше 7 тысяч
студентов. В одном универ-
ситете организовано 128 кружков, а
студенческие научные общества
считаются в своих рядах 100 человек.

Недавно в ряде институтов Ленин-
града основаны традиционные на-
учные конференции. На III конфе-
ренции университета было 2 пла-
нарных и 13 секционных заседаний,
где собравшиеся прослушали и
обсудили 12 докладов. Конференция
открыл академик С. С. Берг. Он
прочитал доклад на тему «Фило-
логическая разведка в науке».

Во докладах прочли члены фило-
логической секции. В конферен-
циях по вопросам комплексного

считаю правильным одобрение подборки стихов
молодых белорусских поэтов. Необходимо и впредь
журналу регулярно публиковать переводы стихов мо-
лодых поэтов национальных республик.
Поэт Андрей Досталь положительно оценил под-
борку стихов С. Орлова, И. Вахрева. Отметил, однако,
что в журнале ещё недостаточно строго подходят
к отбору стихов для печати. Досталь подчеркнул, что
«Смена» должна воспитывать у молодого читателя
правильный, требовательный вкус к стихам.

Лев Озеров рекомендовал регулярно печатать в
журнале рецензии на первые книги стихов молодых
поэтов; в этом отношении до сих пор «Смена» ничего
не сделала. Он поддержал предложение Платона Во-
ронько работать с молодыми поэтами республик, а
также рекомендовал показать молодую поэзию стран
новой демократии. Лев Озеров высказал пожелание
об организации издания библиотечки «Смена».

Г. Абрамов отметил участие в подборке стихов Плато-
на Воронько (народность мотивов, денесности). По
его мнению, у Игоря Вахрева хороши стихи о труде,
о строительстве нового города в тундре, о трудовом
мужестве, о героическом характере наших людей.

На совещании также выступили Глеб Шагара, Вик-
тор Бернадский и другие поэты.

изучения природы приняли участие,
кроме биологов, студенты географиче-
ского и геолого-почвенного фа-
культета.

В Инженерно-экономическом ин-
ституте закончена конкурс на
лучшую студенческую работу. Пер-
вая премия присуждена студентом
М. Ильиничиной за работу «Осно-
вные принципы конструирования
автоматических и методов их рас-
чёта», вторая — Г. Попковой за
большое экспериментальное иссле-
дование по безостаточной перера-
ботке сланца.

Успешно прошла первая общеру-
сская научно-техническая конфе-
ренция, где студенты из вузов
Ленинграда прочитали 10 докладов
на самые разнообразные темы.

В заседаниях II секционной конфе-
ренции секционно приняты участие
до тысячи студентов. Большой на-
тиск присутствующих вызвали до-
клады студентов Н. Соколова об
эстетических взглядах Е. Габеля Успен-
ского, В. Фалка — о положении
учащихся школы в годы второй
мировой войны в Германии,
И. Крылова, Э. Петерова, О. Рок-
ковой, И. Фомичёвой — об инди-
видуальном творчестве сланца и
мышья и ряд других докладов.

На университетской и городской
научных конференциях был прочи-
тан ряд докладов о странах народ-

ной демократии: В. Пухина «Васи-
лий Левский — Борей за националь-
ную независимость Болгарии»,
И. Шветков «Христо Ботев — великий
революционный поэт Болгарии» и
другие.

Министр высшего образования
СССР товарищ Минин предложил
выдать за лучших работ из числа до-
кладов, прочитанных на городской
конференции.

Доклады, прочитанные на I город-
ской конференции, будут опубли-
кованы в трудах конференции. В
университете и Технологическом
институте выходят на печать об-
зоры научных студенческих работ,
прочитанных на конференциях про-
шлого года.

Научной работой ленинградских
студентов занимается студенчество
других городов Советского Союза.
23 ленинградских университетов очень
часто приезжают делегации из дру-
гих университетов страны (Москов-
ского, Татарского, Владикавказского,
Киевского и др.). На конференциях
и в научных институтах бываю-
т студенты Смоленского, Архангель-
ского институтов.

Всё это свидетельствует о небыва-
лом подъёме научной деятельности
и в медицинском институте. Очевидно,
его стремления к высотам науки, к
труду на благо Отчизны.

И. ИЛЬИН

НАШ ЧЕМПИОН МИРА

Двадцать три года назад в Ленинград приехал знаменитый кубинец, чемпион мира по шахматам Капабланка. В сеансе он проиграл 14-летнему школяру.

— Как тебя зовут? — спросили мальчика.

— Миша.
— Твоя фамилия?
— Ботвинник.

Это был первый международный успех в шахматной жизни Ботвинника, имя которого сегодня на устах у миллионов людей во всем мире и войдет в шахматную историю. Советский гросмейстер москвич Михаил Ботвинник — шестой чемпион мира по шахматам.

Свой титул шахматиста Ботвинник начал в Ленинграде. Ботвиннику было только 16 лет, когда он завоевал звание мастера. Уже в возрасте 20 лет он становится чемпионом СССР! Что значит завоевать звание чемпиона Советского Союза, понятно всем шахматистам мира.

В 1930—1933 годах я успешно выступал на международной шахматной арене. В начале 1933 года я возобновил свое несомненно сильное впечатление на меня произвела сицилианская партия с Раузером. У меня возникло горячее желание встретиться и сыграть с Ботвинником.

В конце 1933 года состоялся мой матч с Ботвинником. Этот матч начался в Коломенском доме Лозо в Союзов в Москве, в том же зале, где Ботвинник блестяще завоевал звание чемпиона мира! На вступле, где в апреле—мае 1948 года ввел шах с текстом «Матч-турнир на первенство мира», тогда был шит с лозунгом «Довоевать партию». Знал я, в области шахматного искусства!

Этот призыв советские шахматисты блестяще выполнили. Первые места в самом крупном матч-турнире на первенство мира заняли советские гросмейстеры: Михаил Ботвинник, Василий Смыслов и Пауль Керес.

Первая половина матча с Ботвинником в Москве для меня прошла успешно. Я набрал в ней 2 очка больше. Матч продолжался в Ленинграде, и вот здесь-то Ботвинник разгромил и после 12 партий уравнил счет. Я был рад, что уехал из Ленинграда только с одним очком.

После нашего матча с Ботвинником я часто встречался с ним в турнирах в СССР и за границей. Игра Ботвинника производила на меня большое впечатление. Когда и после матча 1933 года сказал, что, по-моему, Ботвинника надо считать одним из сильнейших шахматистов мира, многие считали, что я этим высказыванием хочу оправдать свой «неуспех» в матче.

Прошло два года с момента нашей встречи. В 1935 году в Москву приехали почти все знаменитости, какими мог похвастаться шахматный мир. В крупном международном турнире Ботвинник поделил первое и второе места. Ласкер, Капабланка и другие гости остались позади.

«Ничего не скажешь, Флор был прав», когда говорил, что Ботвинник умеет играть в шахматы», — должна была признать мировая шахматная печать. Между прочим, в Москве в 1935 году японские гости дважды были побеждены, что и многие другие советские мастера «умеют играть в шахматы».

После этого турнира Ботвинник,

первому в СССР шахматисту, присуждается звание гросмейстера Советского Союза. Понятно, что игра Ботвинника производила огромное впечатление на всех. Как ответственно и серьезно подходил он к каждой партии!

Несмотря на большой успех Ботвинника в Москве в 1935 году и затем в 1936 году (второе место после Капабланки), многие в Западной Европе все еще не хотели верить в его силу. «Это он у себя дома умеет хорошо играть. Климат ему содействует. Посмотрим, как он покажет себя за границей. Он еще не играл с Алехиным», — писали западные газеты о Ботвиннике.

«Ну, посмотрим», — думал Ботвинник. И поехал в 1936 году в Ноттингем. Сюда были приглашены Алехин, Эйве, Капабланка, Наскер и другие первоклассные мастера. Лучшего состава нельзя было себе представить.

Ботвинник впервые встретился с Алехиным. Какой шахматист не знает этой партии? Схватка была короткая, но какая волнующая! Алехин и Ботвинник атаковали и защищались.

Это был поединок двух крупных

шахматных художников. Результат — ничья. Только мейнда Ботвинника в последнем туре (ничья с Витгеном) испортила его турнирное положение. Но и здесь перово и второго мест с Капабланкой был огромным успехом для Ботвинника, для советского шахматного искусства.

За выдающийся успех советского шахматиста наградили Михаилом Ботвинником орденом. История не анала такого случая, когда бы шахматист получал правительственную награду за достижения в области шахматного искусства.

Насколько шахматный мир признает большое мастерство Ботвинника. Он становится одним из самых серьезных претендентов на звание чемпиона мира. В Ноттингеме он опять показал свои замечательные боевые качества. Мы еще раз убедились в том, что Ботвинник — человек с железной выдержкой.

В 1938 году на турнире АВРО в Голландии Ботвинник доказывает, что он умеет побеждать любого противника. В блестящем стиле он наносит поражения Алехину и Капабланке. Обе партии — образцы шахматного искусства. Только

против Эйве Ботвиннику много лет не везло. И лишь теперь, в закончившемся матч-турнире, Ботвинник полностью «расчистился» с Эйве за старые долги 1934 и 1938 годов.

Я здесь упомянул только некоторые крупные турниры за границей. Но нельзя забывать, что за эти годы Ботвинник добился ряда больших успехов у себя дома. Почти все эти годы он завоевывал звание чемпиона СССР. А ведь известно, что по составу участников всеосновные чемпионаты сильнейших мастеров многих международных турниров.

Что отличает Ботвинника от других шахматистов? Прежде всего природный талант, огромная выдержка, воля к победе и несомненная работоспособность.

В подготовке шахматистов немаловажное значение имеет и физическое состояние. И здесь Ботвинник может быть примером для других. Он перед турниром ведет строгий режим. Он экономит свои силы. Ботвинник редко выступает в турнирах, но когда уже выступает, то он как следует готовится к предстоящему матчу.

Чтобы добиться такого совершенства в шахматах, какого достиг Ботвинник, требуется много времени. Однако, несмотря на всё это, Ботвинник никогда не бросил свою основную профессию — инженера-электрика. И тут он добился многого. За производственные успехи Ботвинник награжден орденом «Знак Почета».

Уже в 1938 году намечается матч Алехин — Ботвинник. Однако война помешала организации этого соревнования. После войны Алехин неоднократно заявлял, что считает Ботвинника самым достойным и опасным для себя противником. Но матч этот так и не состоялся: два года назад Алехин умер.

Почти два года велась переговоры об организации матча на первенство мира, пока, наконец, пять сильнейших шахматистов 2 марта 1948 года не сели за шахматный стол в столице Голландии — Гааге.

Ботвинник за последние годы участвовал в семи турнирах. В чемпионатах СССР, в большом международном турнире в Гронингене (Голландия) и турнире памяти Чигорина в Москве он неизменно занимал первые места.

Когда начался матч-турнир пяти, многие называли имя Ботвинника вероятного победителя турнира. Но никто не ожидал такой решительной победы. Он на 3 очка опередил от ближайшего своего соперника!

Ботвинник в матч-турнире продемонстрировал игру, достойную чемпиона мира. Он составил в себе большой комбинационный талант Алехина, блестящую технику Капабланки, тонкий психологический подход к каждой партии Ласкера и высокое мастерство защиты первого чемпиона мира Стейншина.

Ботвиннику суждено было, что хатит набирать очки. Игратьте на ничью, довольно крохотную, но Ботвинник — восторженный боец. И когда уже можно было обеспечить себе ничью, первое место, он сморгал в бовом стиле партии с Ревешким.

Весь шахматный мир англозирует высокому искусству Михаила Ботвинника, нового и настоящего чемпиона мира. Это — торжество советской культуры, советской шахматной школы.

Дружеский шарж Бориса Ефимова

После матч-турнира

Фамилия участника	1	2	3	4	5	Всего очков	Место
1. М. Ботвинник (СССР, Москва)	●	1/2, 1/2, 1/2, 1/2	11110	1/2, 0/1	1/2, 1/2, 1/2, 1/2	14	I и занявший первое место мира
2. В. Смыслов (СССР, Москва)	1/2, 1/2, 1/2, 1/2	●	00, 1/2, 1/2	1/2, 1/2, 1/2, 1/2	11011	11	II
3. П. Керес (СССР, Таллин)	0000 1	1/2, 1/2, 1/2	●	0/2, 1/2, 0/2	1/2, 1/2, 1/2	10, 1/2	III-IV
4. С. Решевский (США, Бостон)	0/2, 1/2 00	1/2, 1/2, 1/2, 1/2	1/2, 0/2, 1/2	●	1/2, 1/2, 1/2	10, 1/2	III-IV
5. М. Эйве (Голландия, Амстердам)	0/2, 0/2, 1/2, 1/2	00100	0/2, 0/2, 0/2	1/2, 1/2, 0/2	●	4	V

ВСТРЕЧИ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА *

Оле Янн — Штернгор	1896	+ 10	- 5	= 5
Стейнц — Цигорин	1906	+ 10	- 5	= 5
Стейнц — Цигорин	1906	+ 10	- 5	= 5
Лавор — Штейнц	1894	+ 10	- 5	= 5
Лавор — Штейнц	1894/97	+ 10	- 5	= 5
Лавор — Тараш	1909	+ 8	- 3	= 10
Лавор — Тараш	1921	+ 4	- 0	= 10
Алякин — Крайбашек	1927	+ 6	- 2	= 25
Алякин — Боголюбов	1929	+ 11	- 5	= 19
Алякин — Боголюбов	1934	+ 9	- 8	= 9
Эйве — Алякин	1935	+ 6	- 4	= 9
Алякин — Эйве	1937	+ 10	- 4	= 11

* Условные обозначения: + выигрыш, — поражение, = ничья.

Самый старый участник закончившегося в Москве матч-турнира — Эйве. Ему 47 лет. Ботвиннику и Решевскому — по 38 лет, Кересу — 32, Смыслову — 21. Смыслов отмечает свой день рождения в Гааге — 24 марта. Самый ценный подарок ему преподнес Эйве — очко в турнирную таблицу!

— 0 —

Решевский из религиозных соображений отказывается играть в шахматы вечером и субботой дня. Голландские женщины жатровывали деньги на турнир с условием, что в воскресные игры на турнире не будет. Таким образом, в Гааге шахматная неделя была очень коротка — всего четыре дня. Поэтому и потребовалось около месяца, чтобы сыграть 19 туров голландской части матч-турнира.

— 0 —

Все чемпионские мира! Стейнц, Лавор, Крайбашек, Алякин, Эйве — были в Москве. Но теперь чемпионские мира является Ботвинник, житель шахматной столицы мира — Москвы!

— 0 —

Во время подготовки к матч-турниру Ботвинник много времени уделял работе на шахмат. Лыжам и вольной борьбе. Смыслов, Керес — хороши в теннисе, играя ракетку Эстонской ССР. Эйве занимается плаванием и серфингом, во время Рижской — на спортивном.

КРОССВОД

Составила О. Александрова

Техническое вооружение нефтяных платформ. 6. Часть содействия.

По вертикали:

- Хлебобулочная продукция.
- Насос. 2. Грунт кораблей. 4. Роман Гуреевич. 5. Советский генерал — герой Отечественной войны. 6. Народа. 7. Имитация. 8. Украина. 10. Типографский шрифт. 12. Остров в Средиземном море. 15. Народный театр в Казахстане. 19. Убий. 20. Возмещение убытков от случайности. 22. Русский учёный. 24. Мещ. 26. Специальность. 27. Женский объект. 28. Бомбов. 30. Крепёжная деталь. 31. Часть ширка. 37. Архитектурное сооружение. 42. Чуть. 49. Тургайский тернии. 49. Город в СССР. 64. Привидельность фотографа. 68. Служивый. 69. Прибор для питания паровых котлов. 70. Знаменитый музыкант. 81. Стояния монета. 82. Птица. 86. Дорожка. 88. Дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОД

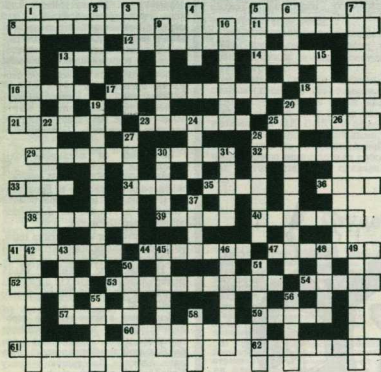
помещённый в № 9.

По горизонтали:

- Футас. 4. Шапити. 5. Парик. 12. Адам. 13. Гора. 14. Гейзер. 15. Ашмира. 16. Ладин. 17. Дарь. 18. Невя. 19. Тоска. 24. Смылов. 27. Скульптор. 28. Молога. 31. Европа. 34. Оди. 35. Смор. 38. Жел. 39. Утро. 40. Апол. 41. Ают. 42. Пого. 43. Круг. 44. Аном. 45. Ральи. 46. Квиг. 49. Арван. 52. Вокс. 54. Аромат. 55. Визнач. 56. Рефлектор. 69. Марна. 63. Выхта. 65. Смир. 68. Арфа. 82. Работ. 86. Дрезна. 71. Нардр. 72. Мана. 73. Птица. 74. Ласка. 75. Актриса. 78. Адрес.

По вертикали:

- Флот. 2. Гомос. 3. Сайда. 4. Плато. 5. Слово. 6. Тром. 7. Ион. 8. Коло. 9. Пале. 10. Ральи. 11. Кина. 20. Лиса. 21. Крош. 22. Клим. 23. Шпат. 25. Ромль. 28. Липа. 29. Сантимер. 29. Ресольер. 32. Молина. 33. Липовый. 34. Острог. 37. Антисеп. 38. Сонка. 38. Ольмек. 37. Разин. 41. Арфа. 42. Работ. 43. Арфа. 44. Арфа. 45. Ральи. 47. Арфа. 52. Ваза. 53. Сит. 67. Эхидна. 63. Огрыва. 59. Марал. 60. Робес. 61. Астер. 61. Ваши. 63. Хмель. 64. Адрес. 66. Фрак. 67. Узор. 68. Алинс.

По горизонтали:

- Изобретение, превосходящее общепринятое. 11. Место для посадки самолётов. 12. Куча сена. 14. Убыток. 16. Рашина, покрытая травой. 17. Група слов, выражающая законченную мысль. 18. Металл. 21. Убий. 23. Лесная ягода. 25. Рулевое колесо. 28. Часть слова. 28. Лягушка с деснами. 32. Препаратор. 33.

- Ступик. Земля. 34. Вокальное произношение. 35. Электронприбор. 36. Спорное растение. 38. Выступивший артист. 39. Кормушка. 40. Океан. 41. Город в Крыму. 44. Способ получения рельефных изображений на металле. 47. Растение. 52. Персонаж из «Гарса Булбы». 53. Великий русский художник. 54. Подключённая ткань. 57. Органическое соединение. 60. Оператор. Вет. 61.

Редакторы: А. Суров (редактор), Н. Асеев, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Куклис, В. Лидин, Б. Полевой.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. А — 02575. Подписано в печать 4/VI 1948 г. Заказ № 1263. Тираж 60.000. Над № 470.

Тираж газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

- С. Крутилин — Испытание. П. Тамиллин — есть такая перница! Анатолий Медников — Высокое чувство. Анатолий Аграновский — Неутраченный человек. Владимир Матов — Весенние шахиши. Студенты Молдавии — Фотоочерк. М. Лисянский — Три стихотворения. Вл. Лидин — Домик Нащокина. Лев Галахов — Альманах «Молода гадарка». П. Александров — Эпон жив, Эпон борется.. В. Карбасовская — Воробьи остаются на Птичьих. Молодые поэты в «Смене». И. Ильин — Студенческие научные конференции. С. Флор — Наш чемпион мира.

- На первой странице обложки «Футбола», Рисунок художника Виктора Иванова. На четвёртой странице обложки Песня «Одинокая гармония». Слова М. Исаковского. Музыка Б. Мокроусова.

Оформление номера художника В. Урна.

ТОВАРИЩ ИННОКЕНТИЙ

«Свежо, товарищи, в ногу!
Душой опередил в борьбе...»

В дарство товарищу дорогу
Грудаю проложим следы...

Пламенные, вдохновенные лабо-
рационные звуки с невыдающим
подъемом, с неслыханным благо-
приятным шумом в Кронштадте
загружена многотысячной толпой
востановивших мастеров. Последнее
местовой стон боковой янки — им-
провизированная труба, а с него
прозвучившая труба, а с этого
следует немолчно и ритмично. Это
Иннокентий, как называют его то-
варищи по партии.

Замечательный болельщик, пла-
менный оратор и выдающийся ор-
ганизатор рабочих масс, Иосиф Фро-
лович Дубровский, приехал из
Москвы, по решению ЦК, чтобы
стать во главе востанки. Он только
что воклада — и вот уже на три-
буне.

Резонансное возбуждение ты-
сяк, готовых идти на смертный бой
за свободу и независимость своей
страны, гордые и смелые, кото-
рые он увидел перед собой, и эта
деши, успешная борьба, и борьба
из уст автора — Леонида Ракина, его
товарища по первой ссылке, и тогда
стать, как никогда раньше. Он го-
ворит так, как никогда раньше.

И. Ф. Дубровский.

И. Ф. Дубровский, она была
прекрасной пещерой о подвигах, кото-
рый надо было совершить всем этим
людям через какие-нибудь час-два.
Из Петербурга двинулся войска.
Предстояла жестокая, неравная
борьба.

После митинга И. Ф. Дубров-
ский отправился в штаб востанки,
чтобы принять участие в военном
и политическом руководстве сражаю-
щихся революционных частях.

Это только один эпизод из биогра-
фии Иосифа Фроловича Дубровско-
го, выдающегося деятеля рабоче-
го движения, блестящего организато-
ра, честного и самоотверженного
рабочник, друга Владимира Ильича
Ленина.

Всю свою недолгую жизнь И. Ф.
Дубровский был бойцом передовой
линии. Самые трудные дела, поруче-
ния партии, связанные с большой
риском, самоотверженностью, тре-
вавшие неслыханной энергии и
мужества, исполнял лишь он. За сем-
надцать лет своего пребывания в
сферах революционной социаль-
но-политической работы, Иосиф
Фролович арестован и осужден
пять и осужден в раз. Последний
его арест, в июне 1919 года, закон-
чился ссылкой в далекую Турхан-
скую тюрьму.

1 июня 1923 года И. Ф. Дубров-
ский был членом с подпольной работы
до окончания срока ссылки утонуть
в Енисее.

И. Ф. Дубровский очень высоко
ценили В. И. Ленин и И. В. Сталин.
Товарищ Сталин писал: «Из всех
массовых инициативных организа-
торов и знаю — после Ленина —
никто не заслуживает на такую
должность и должна гордиться: И. Ф.
Дубровский, который много лет
с Турханской ссылки, и И. М. Сту-
дентова, который горел на работе по
стрельбе партизан и государ-
ства».

«НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА»

1 Первого июня исполнилось
сто лет со дня образования
«Новой Рейнской газеты».
Эта была единственная газета,
редактором которой был Карл
Маркс. Газета выходила в Кельне
до 1849 года, когда в результате
урава в тогдашнем демократическом
движении представляла точку зре-
ния пролетариата.

Но सदательство Фридриха Эн-
гельса, который был одним из
редакторов этой газеты, «Новая
Рейнская газета» влила свою силу
и обрела её в нападении. Распро-
странение и слова газеты росли
вместе с развитием её влияния на
правительство и на буржуазию».

Как рассказывал Энгельс, статьи
«New Rheinische Zeitung» о Селезии
вызвали невероятный рост тиража
в этом районе. Когда исчерпался ти-
раж, газету тайно перенести в
Цейлих на месте и распространяли
её в тысячах экземпляров.

Маркс и Энгельс велили каждую
строчку в газете. Не случалось,
чтобы газета вышла «отдел «Ю-
стона» — была поручена «комму-
нальному деятелю газеты, как
Вильгельм Вольф».

«В текущей хронике по заголов-
ку «Ю стона»» — пишет Фридрих
Энгельс в статье о В. Вольфе.
Подбирались сообщения из местных
немецких государств, в которых он
(В. Вольф) — вместе с неподражаемым
монитором Габриэлем откровенность
и филистерско как правитель, так
и управляющий».

Не приходится удивляться, что
«Новая Рейнская газета» была пред-
метом ожесточенных нападок со
стороны прусского правительства.
Статьи газеты наносили удары не
только по феодальным господам

правительству. Прогонивши Дюком
Великой французской революции,
они приводили в ужас и буржуа-
зию».

Вот что писал об этой газете
В. И. Ленин в известной статье
«Фридрих Энгельс».
«Слова» в Рейнской Пруссии, они
(Маркс и Энгельс... Р-е д.) стали во
главе демократической «Новой Рейн-
ской газеты», издаваемой в Кель-
не. Оба друга были душой всех ре-
волюционно-демократических стрем-
лений в Рейнской Пруссии. До
последней возможности отстаивали
они интересы народа от реакцион-
ных сил. Последнее, как известно,
одна из «Новой Рейнская газета»
была запрещена».

Последний номер газеты был на-
печатан красной краской. Это был
на политический запрет её
прусским правительством. Через не-
сколько дней после запрета газеты —
16 мая 1849 года — К. Маркс был
выслан из Германии. Позже, в 1850
году, Маркс пытался возродить из-
дание газеты в форме «Оборотея
Новой Рейнской газеты» (в Тамбу-
рге). В этом «Оборотея», кстати ска-
зать, впервые была опубликована
работа Энгельса «Христианская война
в Германии». Однако попытка
Маркса продолжить издание газеты
через некоторые время пришлось
прекратить из-за всё более усили-
вавшейся реакции.

Великие основоположники комму-
низма Маркс и Энгельс показав-
ли в «Новой Рейнской газете» обра-
зы партийного редактора, для кото-
рого печатное слово служит только
интересам народа.

«ГИГАНТ»

10 Этот совхоз небезыз-
вестен во всем мире. На его
территории свободно разле-
тятся бы некоторые заповедно-
охраняемые государства. Двадцать лет
назад он возник в Салских степях,
как чудо. Необычайно богат лесом —
и колоссальный размах работ — то,
что люди реиним шло «вертеле-
вать природу в районе, где глаку-
ющая степь нельзя охватить взгля-
дом, вдоль дорог начали насаждать
деревья, да и ещё фруктовые».

Заморские, сухие, «чёрные бурсы»
с летающими вечно мушкетерами
это прекрасные степи, словно сказка

в Салских степи за своё существо-
вание дала стране более тридцати
семь миллионов пудов хлеба!

Нельзя вричаться совхозу колос-
сальных угодий. Но советские люди
в короткий срок восстановили его
былую славу.

Сейчас «Гигант» по размерам по-
севной площади уже превосходит до-
военный уровень. Техническая база
«Гиганта» не только восстановлена,
она теперь выше, чем до войны.

Завано создается 16 прекрасных
рабочих посёлков.

Центральный посёлок зернового совхоза «Гигант» (Ростовская область).

природо предназначены для вы-
ращивания спlohных необозримых
массивов ценнейших пород, вы-
двигаясь почти посередине между
Кавказским и Азовским морями, на-
ходят на пути сибирейских «семилюк»,
проникнувших от одного моря к
другому».

На «Гиганте» научились справлять-
ся с этой бедой. «Фабрика зерна»

в Салских степи за своё существо-
вание дала стране более тридцати
семь миллионов пудов хлеба!

Нельзя вричаться совхозу колос-
сальных угодий. Но советские люди
в короткий срок восстановили его
былую славу.

Сейчас «Гигант» по размерам по-
севной площади уже превосходит до-
военный уровень. Техническая база
«Гиганта» не только восстановлена,
она теперь выше, чем до войны.

Завано создается 16 прекрасных
рабочих посёлков.

Авгучин долгое время жил на Ка-
вказе. Здесь, высоко в горах, есть
с изумительным видом славится
как непреодолимой оружейники и
стрелками по стрельбе и охоты.

Особенности их работы и образа
жизни позволили построить ферму,
что кустачивания, работающим в
музей, не то греков. Аугучин до-
казал что никакого отношения к
заповедно-охраняемым народам ку-
вачины не имеют и являются одним
из дагестанских племен.

И. Н. Аугучин был исключительно
дагестанским предводителем. Знаю
в 1886 году кафедру антропологии
Московского университета. Аугучин
уже не раз исследовал племена
Кавказа».

Портрет Николаевича создал гео-
графологический музей и музей антро-
пологии.

И. Н. Аугучин прожил долую бла-
городную жизнь. После Октябрь-
ской революции он оставил работу
отдал новому строю и самоотвер-
женно трудился до последних дней
своей жизни. В том же 1931 году в
мемориальном музее антропологии
«открыл открытие» двадцатого
исследователя народов давнего южного
стран. В том же 1931 году в мемори-
альном музее антропологии Аугучин
уже не раз исследовал племена
Кавказа создадим школы русских
антропологов и географов.

АЛИШЕР НАВОН

Народы Советского Союза отме-
тили 100-летие со дня рождения ве-
ликого среднеазиатского поэта Али-
шера Навои. Чудесные образы, бо-
гатый поэтический язык, высокие
стремления народа, воплощенные на
поиски правды и счастья. На про-
тяжении веков поэты слышали в
голосе поэта могущество несокруши-
мого духа, габрос жизни, грозный
протест против зла и несправды, боль
за оскорбленных, тревогу о родной
земле, смелые надежды. Вслогор-
ные мечты герою Навои давно уже
всползены в жизнь — они осуществи-
лены советским народом, осуществ-
лены революционными
племени. Бессмертные творения Навои и
сейчас представляют богатую
сокровищницу прошлого Среднего
Востока и неувядающую эстетическую
ценность прелестей.

На снимке: портрет Алишера
Навои работы художника Янкина.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ РУССКИЙ УЧЕНЫЙ

4 Древние русские мечи, ки-
нжалы из Дагестана, отравлен-
ные стрелы из Полтавны, че-
репа людей из Африки, Индии и
Курильских островов, орудия «ино-
земных присутствия», раскопанные
в север России, микроскопические жи-
вотные озёр, уссурийские тигры —
невозможно даже было перечис-
лить объекты, изучением которых
занимался Николай Иванович
Аугучин...»

Аугучин долгое время жил на Ка-
вказе. Здесь, высоко в горах, есть
с изумительным видом славится
как непреодолимой оружейники и
стрелками по стрельбе и охоты.

Особенности их работы и образа
жизни позволили построить ферму,
что кустачивания, работающим в
музей, не то греков. Аугучин до-
казал что никакого отношения к
заповедно-охраняемым народам ку-
вачины не имеют и являются одним
из дагестанских племен.

И. Н. Аугучин был исключительно
дагестанским предводителем. Знаю
в 1886 году кафедру антропологии
Московского университета. Аугучин
уже не раз исследовал племена
Кавказа».

Портрет Николаевича создал гео-
графологический музей и музей антро-
пологии.

И. Н. Аугучин прожил долую бла-
городную жизнь. После Октябрь-
ской революции он оставил работу
отдал новому строю и самоотвер-
женно трудился до последних дней
своей жизни. В том же 1931 году в
мемориальном музее антропологии
«открыл открытие» двадцатого
исследователя народов давнего южного
стран. В том же 1931 году в мемори-
альном музее антропологии Аугучин
уже не раз исследовал племена
Кавказа создадим школы русских
антропологов и географов.

ОДИНОКАЯ ГАРМОНЬ

Музыка Е. Могроусова

Слова М. Исаковского

В ДВУХМЕТРИИ ВАРСКА

Снова замерял всё до рассвета,
 Дожер не скривился, не
 Только слышно на узкие
 Одинокая бродит гармонь.
 То пойдёт за поля, да ворочет,
 То обратно вернётся опять
 Словно ищет в пургулёх
 И не может никак отыскать.

Вет с поля ночная прожара,
 С абыль пвет облетает густая,
 Ты пригляди, кто тебе надо,
 Ты скажи, гармонист молодой.
 Может, радость моя нездётся,
 Да не знает, сь ли ты ждётся,
 Что ж ты бродишь всю ночь
 Что ж ты лезушким спать
 не лезешь?

